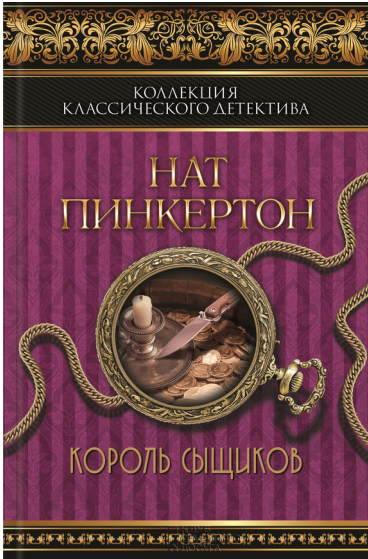

Нат Пинкертон Король сыщиков (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12027779

*Нат Пинкертон. Король сыщиков.: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Харьков; 2015
ISBN 978-966-14-9029-0, 978-966-14-8719-1, 978-5-9910-3172-1, 978-966-14-9030-6,
978-966-14-9032-0, 978-966-14-9033-7, 978-966-14-9031-3*

Аннотация

Шерлок Холмс, комиссар Мегрэ, Эркюль Пуаро... Самые знаменитые детективы! И Нат Пинкертон – один из них. Его имя давно стало синонимом слов «тайный агент» и «сыщик». Пинкертон – настоящий ас своего дела, ему по плечу самые запутанные преступления! Загадочные убийства и похищения, опасные схватки и захватывающие погони, поразительные перевоплощения и невероятные приключения – ни один злоумышленник не уйдет, когда за дело берется король сыщиков!

Содержание

Нат Пинкертон	4
Лучший из худших	5
Необыкновенные приключения знаменитого короля сыщиков Ната Пинкертона	7
Торговцы живым товаром	7
Убийство банкира	21
Пинкертон в гробу	26
Злодей Гризам	34
Пираты с реки Гудзон	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Нат Пинкертон Король сыщиков

© М. Брыных, А. Красюк, составление, 2014

© DepositPhotos.com / Fenton, pil7615, tychy190, обложка, 2014

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,
2015

ISBN 978-966-14-9029-0 (fb2)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена
в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

НЗЗ Нат Пинкертон. Король сыщиков: сборник / Петр Орловец и др.; пер. с англ. В.
Михалюка; предисл. М. Брыных; худож. А. Печенежский. – Харьков: Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга»; Белгород: ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2015. – 416
с.: ил. – (Серия «Коллекция классического детектива», ISBN 978-966-14-6837-4 (Украина))

ISBN 978-966-14-8719-1 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3172-1 (Россия)

Перевод с английского *Виталия Михалюка* («Нат Пинкертон. Кровавый талисман»)

Лучший из худших

Кража? Похищение? Убийство? Немедленно звоните «короля сыщиков» – Ната Пинкертона! Он мгновенно поймает злодея и накажет его. Он спасет и отомстит. Он не будет тратить время на пустые размышления. Пинкертон – человек действия. Он могуч и неустрашим, он выходит живым из любых передраг. Он в одиночку способен уничтожить целую банду преступников. Пинкертон – это и есть правосудие и справедливость, причем мгновенного действия. Никакой следственной волокиты и свидетельских показаний. Никакой дедукции, логики, химических опытов и прочей ерунды. Погоня, схватка, арест – вот три кита, на которых зиждется его всемирная слава. Это как доставка пиццы: быстро, удобно и в любое время.

«Я прочитал пятьдесят три книжки приключений Ната Пинкертона – и убедился, что единственное, в чем Нат Пинкертон гениален, – это именно в раздавании оплеух, зуботычин, пощечин и страшных, оглушительных тумачков», – язвительно утверждал Корней Чуковский в статье «Нат Пинкертон и современная литература». Мы еще не раз в этом тексте процитируем автора «Мойдодыра», объявившего в свое время настоящий крестовый поход против «короля сыщиков» и порожденного им литературного явления – «пинкертоновщины».

Кто такой Нат Пинкертон и откуда он взялся? Кто его выдумал и кто написал сотни книжек о его победах над злодеями во всем мире? Спустя столетие со времени его триумфального пришествия на эти вопросы никто так и не может ответить.

По мнению Чуковского, Пинкертон – «эпический богатырь города, со всеми присущими городской культуре чертами вырождения» – рожден «многомиллионным американским читателем». И действительно, имя Пинкертона было хорошо известно в США. Талантливый криминалист, разведчик Алан Пинкертон (1819–1884) основал одну из первых в Америке частных детективных контор – «Национальное агентство Пинкертона». Сфера деятельности агентства простиралась от расследования железнодорожных краж до раскрытия преступлений государственного масштаба. Алан был автором детективных мемуаров, хотя не исключено, что в большинстве своем они были написаны сыновьями Пинкертона, унаследовавшими дело отца.

Что же общего между реальным частным детективом Аланом Пинкертоном и его литературным призраком-однофамильцем? Некий П. Калецкий, автор статьи о «пинкертоновщине» в восьмом томе «Литературной энциклопедии» (1934), высказывает, казалось бы, вполне логичное мнение: «По-видимому, рассказы о Пинкертоне возникли как реклама сыскального агентства Алана Пинкертона и его сыновей». Эта версия столь правдоподобна, что многие до сих пор верят в американское происхождение одного из самых одиозных персонажей массовой литературы. Тем не менее настоящая родина Ната Пинкертона – «короля сыщиков» – Европа. Первые сериальные выпуски о похождениях Ната Пинкертона появились практически синхронно (в 1906–1907 гг.) сразу в нескольких странах: Хорватии, Польше, Германии, России, Дании. Распространяясь по миру подобно эпидемии, эти цветастые книжки завоевывали во всех странах ошеломительную популярность.

В Российской империи расцвет «пинкертоновщины» пришелся на 1908–1913 гг. Успех «короля сыщиков» породил нашествие других дешевых героев: железнорукого Генриха Рау и Антона Кречета, троицу капитанов – Моргана, Морса и Морга, «гения русского сыска» Путилина и хитрого Ока-Шиму. Вряд ли вы когда-либо слышали эти имена: Питт Смайльс, Фриц Штаргардт, Франк Гардинг, Франсуа Питоваль, Биль Канон, Боб Виткей, Этель Кинг и Больтон-Райд; а ведь и они были причастны к феномену «сыщицкой литературы», ежегодный тираж которой только в России составлял более 10 млн экземпляров.

Не в силах объяснить чудовищный успех пятикопеечных книжек, Чуковский винит во всем читателей – пещерных людей, вылитых готтентотов, отличающихся скудностью мечты, а потому нуждающихся в безличном, безымянном, хоровом творчестве. Для Корнея Чуковского Пинкертон как народный герой – это предел деградации. А точнее – предел пределов. Мол, дальше – только каннибализм и железное кольцо в носу.

Впрочем, далеко не все интеллектуалы разделяли гнев и ярость литературного Айболита. Так, например, философ и мистик Василий Розанов, признававшийся в своем припадке страсти к чтению подобной литературы, легко опровергал обличительный пафос Чуковского одним лишь замечанием: нельзя судить о человеке по его развлечениям. К тому же выводы Чуковского о «примитивности» читателя-готтентота были весьма далеки от истины. А. И. Рейтблант в предисловии к одному из сборников рассказов о приключениях Пинкертона упоминает результаты опроса, проведенного в 1909 г. среди гимназистов, согласно которому 90 % учащихся зачитывались сыщицкой литературой. Вряд ли гимназисты и были теми страшными готтентотами, которые на каждом шагу мерещились критику-сказочнику.

Да, Пинкертон – это герой без слабостей и без личности, но разве не таковы и современные борцы с вселенским злом? Да, Пинкертон всецело зависим от вкусов толпы (отсюда родом и его расовые предубеждения, и страсть к выгоде). Но все же нельзя усомниться в одном великом свойстве такого рода литературы: она существует (согласимся с Чуковским хоть в этом) – вопреки прогнозам критиков и книжной моде. Кто знает, в чем секрет этих рассказов... Вдумайтесь в них внимательно, ибо для миллионов душ человеческих – это сладчайшая духовная пища.

Необыкновенные приключения знаменитого короля сыщиков Ната Пинкертона

Торговцы живым товаром

Глава 1. Пропавшая невеста

В красивом дворце нью-йоркского миллионера Стюарта Куннерти, в библиотечной комнате стоял его сын, Горст Куннерти, и, судорожно держась за спинку кресла, страстными, умоляющими глазами смотрел на высокую, стройную молодую девушку, Веру Зандоу, которая жила в доме в качестве воспитательницы его младших сестер.

– Вера, – говорил он, – почему ты отказываешь мне? Неужели ты не веришь в искренность моих чувств?! Я жить без тебя не могу, я люблю тебя больше всего на свете. Ты – мое счастье, и я думаю, что ты не хочешь признаться, но сама питаешь ко мне те же чувства!

Вера Зандоу была замечательно красива. Ее бледное лицо окаймляли густые черные локоны, большие темные глаза, обыкновенно живые и веселые, ясно показывали, что она внутренне страдала. Но молодая девушка сделала над собой усилие, стараясь не выдать своего волнения.

– Вы ошибаетесь, мистер Куннерти! – едва слышно ответила она. – Вы мне симпатичны, я уважаю и высоко ценю вас как человека честного и доброго, но вашей женой никогда не буду!

– Ты говоришь против собственного убеждения! Ты любишь меня, только не хочешь в этом признаться! Но к чему это? Почему ты хочешь сделать несчастными нас обоих и заставить предаться полному отчаянию?

Она отвернулась.

– Не говорите этого, мистер Куннерти! Я не вправе вас слушать!

– Нет, ты должна меня выслушать! – воскликнул он. – Думаешь, я не заметил, как ты избегала меня, как боялась остаться со мной наедине?! Мне наконец-то удалось встретиться с тобой с глазу на глаз, и я не уйду отсюда, пока не выясню окончательно наших отношений.

– Я уже сказала, что не люблю вас, – чего вы еще хотите?! Да, мистер Куннерти, я боялась встречи с вами из-за вас же: я знала, что мой ответ причинит вам страдание! Идите же, умоляю вас! Мы не созданы друг для друга!

– Потому что у нас слишком большая разница в положении? Ты думаешь, мой отец не даст своего согласия?

– Брак со мною привел бы вас к полному разрыву с семьей. Я знаю, что ваш отец, которого я глубоко уважаю, никогда не согласится на то, чтобы сын женился на бедной гувернантке, которая принесет ему в приданое только свою красоту.

– Отец непременно уступит, когда увидит, как велика и искренна наша любовь! Но если бы даже он не смягчился на мои просьбы, я все-таки остался бы верен своему чувству. Я уеду с тобою, и мы с радостью вступим в борьбу с жизнью. Я молод, силен, я стану работать с утра до вечера и буду счастлив твоей любовью!

Глаза его засветились таким чистым и сильным чувством, что Вера заколебалась. Она поняла всю глубину его любви, и сердце ее сжалось от нестерпимой боли. Ведь она любила его так же горячо и пылко. Но она не могла вносить раздор в семью, разрушать их

светлое семейное счастье! Она знала гордый и непреклонный характер Стюарта Куннерти, и своего согласия на этот брак он, конечно, не даст.

Горст приблизился к ней.

– Посмотри на меня дорогая! Скажи только одно словечко – да! Я тотчас же признаюсь отцу, и надеюсь, что мне удастся сломить его гордый дух! Ведь я люблю тебя так страстно, так нежно, ненаглядная моя!

Он наклонился, шепча слова любви, и обнял ее стройный стан. Вера слабо сопротивлялась, и губы их встретились в долгом, страстном поцелуе. Но это продолжалось недолго – она с испугом высвободилась из его объятий.

– Бога ради! Что вы делаете? Уйдите! – бормотала она.

– Нет, я не уйду! – воскликнул он торжествующим голосом. – Теперь я знаю, что ты меня любишь, и этого достаточно.

Она с мольбою подняла руки.

– Пожалейте меня! Я не могу! Дайте мне подумать... до завтра. Завтра я дам решительный ответ!

– До завтра я ждать согласен, но только завтра ты скажешь, что будешь моею. Я знаю, что в борьбе с сердцем последнее всегда остается победителем!

Горст бросил на нее взгляд, полный горячей любви, и поспешно вышел из комнаты. Вера неподвижными глазами смотрела на место, где он только что стоял. Она прижала обе руки к сердцу, и две крупные слезы медленно стекли по ее щекам.

В эту минуту открылась дверь соседней комнаты и на пороге показался Стюарт Куннерти, отец молодого человека. На его некрасивом лице было суровое выражение, брови гневно сдвинуты.

Вера вздрогнула, догадываясь, что он слышал все. И первые же слова миллионера окончательно убедили ее в этом.

– Я случайно стал свидетелем разговора, который произошел между вами и моим сыном! – сказал он холодно. – Ваши опасения относительно меня вполне обоснованы: своего согласия на этот брак я не дам. Я вижу, что вы относитесь к этому вопросу вполне разумно, и очень этому рад. Но скажите, пожалуйста, каков будет решительный ответ, который вы намереваетесь дать моему сыну завтра?

Вера, собрав все свои силы, постаралась подавить страшную боль в сердце и наконец ответила – как казалось, совершенно спокойно:

– Я оставлю ему только несколько строк, мистер Куннерти, так как покину ваш дом сегодня же.

Миллионер видел, что она невыразимо страдает. Он даже почувствовал некоторое сострадание к бедной девушке и, протягивая ей руку, сказал:

– Я очень рад, что вы избрали единственно возможный в этом деле путь. Разумеется, я готов вознаградить вас за неудобства, которые связаны с вашим неожиданным уходом из моего дома, поэтому позвольте мне прибавить к следуемому вам жалованью еще и это.

Он достал из кармана чековую книжку и хотел в ней что-то написать, но Вера сделала негодующий жест и сухо сказала:

– Нет, не беспокойтесь, мистер Куннерти! Я возьму только то, что мне следует, и ни копейки больше! Вы можете быть совершенно спокойны, так как я, вероятно, на днях получу новое место. У меня есть адрес посредника, который уже несколько раз присылал мне предложения.

– Хорошо, как хотите, – сказал миллионер, доставая из бумажника и передавая мисс Зандоу причитающуюся ей сумму. – Я надеюсь, что мой мальчишка образумится, если не будет с вами где-нибудь встречаться!

– На этот счет не беспокойтесь! – заявила Вера. – Он больше никогда меня не увидит!

Куннерти кивнул и с искренней благодарностью пожал ей руку. После этого он вернулся в кабинет, а Вера пошла в свою комнату, где ее долго сдерживаемое горе вылилось наконец наружу.

Со стоном упала она на кровать и, обливаясь горячими слезами, спрятала лицо в подушку. Она знала, что сердце ее останется в этом доме и что, как бы далеко она ни уехала, мысли ее всегда будут возвращаться к человеку, с которым ее разлучила жестокая судьба.

Она села к письменному столу и, с трудом сдерживая рвавшиеся из груди рыдания, написала несколько прощальных слов.

Но чтобы успокоить Горста относительно своей дальнейшей судьбы, она приложила письмо того посредника, который послал ей вышеупомянутые предложения.

Поздно вечером она ушла, ни с кем не простившись, – Горст был дома, и она боялась вызвать его подозрение.

На другой день за завтраком Горст с удивлением спросил отца:

– Где мисс Зандоу? Она всегда такая аккуратная, а сегодня за все утро я ни разу ее не встретил. За детьми присматривает горничная. Неужели она больна?

Тон невольно выдавал внутреннее беспокойство, охватившее его, а глаза смотрели на отца в смутном предчувствии чего-то недоброго.

Отец решил, что лучше сразу все выяснить.

– Мисс Зандоу? – переспросил он.

– Да.

– Ты ее больше не увидишь, она покинула нас.

Он вздрогнул, взглянув в лицо сына. Оно сделалось белым как полотно, а глаза молодого человека широко раскрылись, выражая смертельный ужас.

Горст привстал и, глядя на отца, проговорил хриплым голосом:

– Что ты говоришь? Она ушла... Но это невозможно! Она не могла этого сделать. Ты, вероятно, ошибаешься!

– К сожалению, нет! – в смущении возразил отец: перемена, происшедшая в сыне, начинала его пугать.

– Это неправда! – крикнул юноша.

– Нет, правда! – с трудом ответил мистер Куннерти. – Вчера вечером она попросила меня отпустить ее на новое место.

– И ты согласился?

– Разве я имел право удерживать ее?

Горст отшатнулся и вдруг, схватившись руками за голову, забормотал:

– Это невысказанно... Она не могла так безжалостно нанести мне смертельный удар!

– Успокойся! – принялся уговаривать его отец. – К чему так волноваться? Она ушла, ну что ж, другая придет на ее место!

– Другая? Другая?! – закричал Горст. – Знаешь ли ты, чем была для меня Вера?! Знаешь ли ты, что я люблю ее всей душой, что я умру, если она не будет моей женой?! Знаешь ли ты, что потеряешь сына, единственного сына, если она не вернется?! Это ты заставил ее покинуть наш дом! Ты отнял ее у меня, потому что не хотел, чтобы я женился на бедной девушке. Но знай: я скорее умру, чем исполню твое желание. Прокляни меня, если хочешь, выгони, но я от Веры не отступлюсь и, клянусь тебе, буду искать ее всюду и не успокоюсь, пока не найду!

Стюарт Куннерти хотел гневно его остановить, проявить отцовский авторитет, но вдруг почувствовал, что у него не хватит на это сил. Он боготворил сына, на которого возлагал все надежды. Он любил и двух своих девочек, но в любви к ним не было той гордости и глубины чувства, которые привязывали его к сыну.

Он никогда в жизни еще не видел юношу таким взволнованным. Напротив, Горст отличался спокойным, уравновешенным характером. Но зато он всегда шел прямо к цели и во всех его поступках проявлялась обдуманность и последовательность. Если сын принимал какое-нибудь решение, то уже не отступал от него, и в этом отношении он вполне унаследовал настойчивый характер отца.

Все это мгновенно пронеслось в голове старика; он знал, что слова, сказанные Горстом, не были пустым звуком. Безумный страх потерять любимого сына постепенно закрадывался в его сердце. Одновременно в нем росло осознание несправедливости и жестокости своего поступка по отношению к прекрасной гувернантке. Разве ему нужны были деньги?! Разве не лучше видеть сына счастливым с горячо любимой женщиной?!

Стюарт Куннерти безмолвно смотрел на сына. Горст поднял руку и воскликнул:

– Отец! Я пойду искать ее, и если не найду, то погибну. И ты один будешь виной всему!

С этими словами он бросился вон из комнаты. Старик и не предполагал, что сын способен на столь горячую любовь, – которая для него оставалась совершенно непонятной, так как сам он никогда не испытывал глубокого чувства к покойной супруге.

Но терять сына он не хотел! Пусть уж лучше женится на Вере Зандоу, если видит в этом счастье своей жизни! К тому же она добрая, хорошая девушка, достойная быть принятой в лучшем обществе, и, бесспорно, одна из первых красавиц Нью-Йорка!

Стюарт Куннерти вскочил. И почему было не подумать об этом раньше?! Как счастливы были бы они вчера вечером, если бы он вдруг вошел к ним в библиотеку и сказал: «Даю вам свое благословение, дети мои! Любите друг друга, я от души порадуюсь, если вы будете счастливы!»

Но проклятая спесь удержала его от этого.

Но, слава Богу, еще можно поправить дело.

Надо только возможно скорее вернуть Веру Зандоу.

Старик вдруг необычайно оживился. Забыв обыкновенную спокойную деловитость, он засуетился, заволновался и бросился сообщать свое решение сыну. Но, поднимаясь по лестнице, которая вела наверх, где находится комната Веры, он вдруг услышал оттуда пронзительный крик отчаяния, а вслед затем тяжелое падение тела.

У Стюарта Куннерти подкосились ноги. Не помня себя, пошатываясь, бросился он в комнату Веры и увидел, что сын его, только что прочитавший ее последние строки, без чувств лежит на полу. Старик, рыдая, опустился возле него на колени.

– Горст, дорогой мой, ненаглядный мальчик! Приди в себя! Все будет хорошо!

Но юноша ничего не слышал. Прощальные холодные слова Веры, отнявшие у него всякую надежду снова увидеть ее, поразили его как громом. Когда благодаря стараниям врача Горст очнулся, его стала бить лихорадка, начался бред.

Стюарт Куннерти был в отчаянии: из последней записки Веры он не мог узнать, куда она направилась. Между тем, если не вернуть ее как можно скорее, жизнь сына окажется в опасности. Врачи заявили, что только исполнение его страстного желания, только присутствие Веры могло спасти молодого человека.

Несчастный отец не видел способа найти молодую девушку, хотя сейчас же сделал заявление в полицию и поместил многочисленные объявления во всех газетах Нью-Йорка.

Но Вера Зандоу не появлялась. Она исчезла бесследно.

Глава 2. На верном пути

Несколько дней спустя в кабинет Ната Пинкертона вошел его помощник, Боб, и, подавая начальнику визитную карточку, сказал:

– Этот джентльмен хочет видеть вас. Он очень взволнован!

– Стюарт Куннерти... А-а, этот миллионер, который несколько дней кряду помещал в газетах объявление о розыске Веры Зандоу. Я так и знал, что в конце концов он придет ко мне. Проси!

Боб вышел, и через несколько секунд посетитель уже был в кабинете. Забыв всякий этикет, он, не успев еще поздороваться, бросился к сыщику и воскликнул:

– О мистер Пинкертон, помогите мне! На вас последняя надежда! Спасите моего несчастного сына от верной смерти!

Нат Пинкертон остался спокоен. Он указал на стул и сказал:

– Прежде всего успокойтесь, мистер Куннерти! Мы легко выясним все обстоятельства дела, если будем говорить спокойно, и увидим, что можно сделать, чтобы найти мисс Веру Зандоу.

Куннерти сел на предложенный стул.

– Так вы уже знаете... – начал он.

– Конечно, знаю! – с улыбкою ответил Нат Пинкертон. – Мне кажется, что не только в Нью-Йорке, но, пожалуй, во всех Соединенных Штатах нет человека, который не знал бы, что мистер Стюарт Куннерти ищет мисс Веру Зандоу!

– Но представьте себе, мистер Пинкертон, она не отозвалась. А ведь я объявлял, что сын мой умирает и что только ее присутствие может его спасти. Но она не появляется! Это бессердечно и жестоко!

– Не торопитесь осуждать, мистер Куннерти. Ведь вы не знаете, по какой причине мисс Зандоу не отозвалась.

– Но она не могла не прочесть объявления! Нет ни одной газеты, в которой бы я его не поместил.

– И тем не менее могут быть обстоятельства, которые делают невозможным для мисс Зандоу явиться на ваше приглашение.

– Какие же это могут быть обстоятельства?

– Какой характер у мисс Зандоу? – вместо ответа спросил Пинкертон.

– Она – ангел доброты и кротости!

– В таком случае едва ли возможно упрекать ее в бессердечности и жестокости, не правда ли? Она, без сомнения, явилась бы, если бы прочла объявление!

– Это правда! – согласился Куннерти. – Но я не понимаю, каким образом она могла не прочесть его.

– Я объясняю это так: или девушка уехала с одним из трансатлантических либо южно-американских пароходов, или же она находится под властью либо влиянием людей, которые препятствуют тому, чтобы она получила в руки газету и таким образом прочла объявление.

Миллионер вздрогнул и побледнел.

– Вы думаете, мисс Зандоу может грозить опасность?

– Я не исключаю такой возможности. Надо учитывать и худшее.

На лбу мистера Куннерти выступил холодный пот.

– Бог мой, но тогда я буду повинен в этом! Мистер Пинкертон, как бы я был благодарен, если бы вам удалось открыть место пребывания Веры Зандоу!

– Я постараюсь сделать все, что от меня зависит, мистер Куннерти. Сообщите мне все подробности относительно того, как пропала молодая девушка.

– Я не скрою от вас, что сам удалил ее из дома.

И старик подробно рассказал все то, что произошло в его семье в тот знаменательный вечер.

– Мой бедный Горст, – закончил он свое повествование, – лежит теперь больной. Он в состоянии какой-то тупой апатии, никого не узнает и все слабеет. Глаза его смотрят в одну точку, а губы беспрестанно шепчут: «Вера, моя Вера, зачем же ты меня оставила?»

Врачи говорят, что жизнь его всецело зависит от появления этой молодой девушки. Они уверяют, что достаточно было бы ей побыть несколько дней у постели больного, чтобы сделать его здоровым и вернуть прежние силы!

Миллионер замолчал. В глазах его читалось такое глубокое горе, такая смертельная тоска, что Пинкертон почувствовал искреннее сострадание.

— Вы говорите, что Вера получила предложение со стороны какого-то посредника? — спросил он после паузы.

— Да. Она сама сказала мне об этом, а кроме того приложила письмо этого посредника к записке, оставленной моему сыну.

— Записка эта у вас с собой?

— Да. Я взял ее из рук Горста, когда он после исчезновения Веры без чувств упал в ее комнате.

Стюарт Куннерти достал из кармана узенький конверт, который и передал сыщику. Пинкертон раскрыл его. В конверте лежали две записки. Одна из них была прощальным письмом Веры.

Многоуважаемый мистер Куннерти!

Я ухожу из Вашего дома после того, что вчера произошло между нами. Так будет лучше и для меня, и для Вас. Придет время, когда Вы сами в этом убедитесь. Не ищите меня, это напрасно. Я собираюсь взять хорошее место далеко отсюда, не беспокойтесь обо мне. Прилагаю письмо посредника, к которому намерена обратиться. Имя и адрес я отрезала, так как не хочу, чтобы Вы меня разыскивали.

Прощайте и будьте счастливы, а я всегда буду думать о Вас с теплым чувством искренней дружбы.

Ваша Вера Зандоу

Пинкертон сложил записку и принялся читать другое письмо. Почерк его, прямой и характерный, видимо, сразу поразил его. Он быстро пробежал написанные строки:

Многоуважаемая мисс Зандоу!

Имею честь сообщить, что в данный момент снова могу предложить Вам в качестве воспитательницы некоторые очень хорошо оплачиваемые места как в Северной, так и в Южной Америке. Если Вы имеете намерение переменить место, я с удовольствием предложу Вам свое посредничество. В течение следующих недель меня можно видеть ежедневно в Нью-Йорке...

Подпись и адрес были отрезаны. Прочитав письмо, Пинкертон снова начал разглядывать почерк, которым оно было написано, затем, взяв с письменного стола кипу бумаг, принялся перебирать ее и наконец достал записку, которую с улыбкой показал миллионеру.

Куннерти посмотрел на нее и воскликнул:

— Этот почерк похож на тот, которым написано письмо Вере!

И он прочел записку, содержание которой было следующим:

Многоуважаемая мисс Бриджет Гольдгилль!

Ссылаясь на наш вечерний разговор, спешу сообщить, что имею для Вас очень хорошее место. Вам нужно завтра же быть на Центральном вокзале.

Приходите в условленное время.

Джеймс Рубби

— Очевидно, это тот же самый посредник. От него будет нетрудно узнать, как найти мисс Зандоу. Это счастливая случайность!

– Едва ли это будет так просто, – заметил Пинкертон. – Я расскажу вам, как письмо посредника попало в мои руки. Его принесла некая Мери Гольдгилль, мать мисс Бриджет, почтенная дама. Она пришла ко мне несколько дней назад и рассказала, что какой-то молодой человек подошел на улице к ее дочери вечером, когда она возвращалась домой, и предложил ей услуги посредника. Бриджет служила в одном из здешних магазинов. Она не нашла ничего особенного в том, что этот человек заговорил с ней, а так как, недовольная своей службой, давно уже собиралась переменить место, то и выслушала его с живейшим интересом. Незнакомец этот, назвавшийся Джеймсом Рубби, сумел внушить ей полное доверие, и по возвращении домой она принялась рассказывать матери о хорошо оплачиваемых местах, предлагаемых ей посредником. Госпожа Гольдгилль отнеслась ко всему этому с недоверием и старалась отговорить дочь, но та заявила, что уже просила посредника достать ей место, и притом непременно в другом городе. Она обещала посылать матери ежемесячно небольшую сумму и даже надеялась, что со временем, когда устроится, мать переедет к ней. Уже на второй день Рубби прислал ей это письмо, и Бриджет приняла предложение. Несмотря на слезы и просьбы матери, она собрала вещи и на следующее же утро поехала на вокзал. Место в магазине она бросила, а матери обещала писать возможно чаще, почти каждый день! Напрасно ждала и надеялась мать – от Бриджет не было ни строчки. Тогда бедную женщину охватил ужас и она решила, что ее дочь постигло несчастье. Она пришла ко мне с письмом посредника и просила помочь.

– Что же дальше?

– У меня была масса важных дел, так что пришлось поручить поиски помощникам. Сегодня я свободен, поэтому немедленно приступлю к дальнейшим розыскам.

– А вы думаете, что молодая девушка находится в такой же опасности, как и мисс Зандоу?

– Несомненно, и притом в ужасной опасности! Теперь, когда и вы пришли ко мне по подобному же делу, я ясно вижу, что этот Джеймс Рубби – человек чрезвычайно гнусный, с которым не так-то легко будет справиться.

Куннерти сделал удивленное лицо.

– Но помилуйте! Я не понимаю, как вы на основании этих писем, в сущности довольно невинных, можете прийти к такому заключению!

– Я сужу не столько по письмам, сколько по тому факту, что обе девушки исчезли бесследно. А кроме того, если не ошибаюсь, вы говорили, что Вера Зандоу – красавица!

– Несомненно, – подтвердил Куннерти. – Я никогда не встречал более красивой женщины.

– Ну вот! Мисс Бриджет Гольдгилль также очень хороша. Теперь подумайте сами: если какой-то никому не известный человек старается доставить места исключительно красивым девушкам, то что это могут быть за места?!

Куннерти ответил не сразу. Сердце его сжалось в болезненной тоске.

– Неужели вы думаете, – с трудом выговорил он наконец, – что Рубби хочет, так сказать, продать этих девушек?

Пинкертон кивнул.

– Этот Джеймс Рубби, судя по всему, не кто иной, как торговец живым товаром!

Миллионер застонал.

– Боже праведный, неужели Вера останется во власти этого человека, неужели ему удастся завлечь ее в публичный дом на мучения и позор?! Это просто ужасно! Погубить чистое, невинное создание, толкнуть его в омут греха и разврата!..

– Таково, конечно, намерение Рубби. За такую красавицу он получил большие деньги!

– Мистер Пинкертон, – взмолился Куннерти, – ради всего святого, заклинаю вас: разыщите несчастную! Примите все меры, чтобы найти ее и спасти от позора!

– Разумеется, я сделаю все, что могу! – подтвердил сыщик. – Но уверяю вас, задача эта не из легких. Во всяком случае мне трудно обещать, что удастся спасти несчастную вовремя. В Нью-Йорке этого негодяя, который, конечно, имеет сообщников, наверняка уже нет. Подобные мошенники всегда заманивают свои жертвы куда-нибудь подальше, нередко они сбывают свой живой товар в южноамериканские приморские города, где существует множество притонов разврата, в которых несчастных девушек, так сказать, заживо погребают и, если они оказывают сопротивление, подвергают самым гнусным истязаниям! Все, даже самые гордые и неприступные, в конце концов покоряются судьбе!

Миллионер закрыл лицо руками.

– Жизнь моя будет разбита, если Вера не найдется! – простонал он. – Горст, мой дорогой, мой единственный сын, умрет – и я до конца жизни не найду себе покоя!

В эту минуту из передней вдруг раздался громкий женский плач. Пинкертон слышал, как Боб старался успокоить и уговорить плачущую, очевидно, не желая впускать ее к своему начальнику, пока тот занят разговором с другим посетителем.

Сыщик прислушался и поспешно встал.

– Если не ошибаюсь, это миссис Мери Гольдгилль. Она, очевидно, принесла какие-то известия.

Мери Гольдгилль оказалась простой, но прилично одетой женщиной. Когда она вошла, слезы так и лились ручьями из ее глаз. Она бросилась на стул и громко зарыдала.

– Успокойтесь! – мягко сказал Пинкертон. – Верно, вы получили дурные вести от Бриджет?

Миссис Гольдгилль не ответила, не в силах сдержать рыдания, и достала из кармана письмо. Оно было написано карандашом торопливой, дрожащей рукой и, судя по почтовому штемпелю, опущено в ящик накануне в Бостоне.

Нат Пинкертон открыл письмо и прочел:

*Бедная моя, дорогая мама! Отчего я не послушалась тебя? Я погибла. Этот Рубби оказался негодяем. У меня отняли то, что для девушки дороже всего на свете, – честь! Я теперь несчастное, погибшее создание и никогда больше не смогу показаться тебе на глаза. Я не в силах вынести этого позора и... иду на смерть.
Твоя несчастная дочь Бриджет*

Сыщик был потрясен. Он подал письмо миллионеру, который прочел его и тоже зарыдал.

– Боже праведный, если такой же окажется судьба бедной Веры, я буду в этом виноват!

– Вы получили это письмо сегодня утром? – обратился сыщик к миссис Гольдгилль.

Она кивнула и вдруг, откинувшись назад, упала в обморок.

Пинкертон позвал свою хозяйку, чтобы она помогла несчастной, сам же схватил руку Куннерти и решительно заявил:

– Не теряйте надежды, мистер Куннерти! Еще не все потеряно. Это письмо может навести нас на след. Я надеюсь, что достигну цели и спасу мисс Веру от бесчестия. Я отомщу за эту несчастную мать! Негодяй Рубби поплатится за свое гнусное ремесло! Боб, собирайся! Мы отправляемся в Бостон ближайшим пароходом.

Глава 3. Пароход «Чайка»

После полудня Нат Пинкертон и Боб Руланд уже приехали в Бостон.

Сойдя с пароходной пристани, сыщики пошли по улицам города. На ближайшем перекрестке Пинкертон обратился к стоявшему на посту полисмену.

- Мне надо получить от вас справку.
 - Пожалуйста, что вам угодно?
 - Не нашли ли сегодня здесь, в Бостоне, самоубийцу?
 - Как же, нашли! Ее вытащили вон из того канала. Говорят, она была очень красива, но... уличная женщина!
 - Откуда же это узнали?
 - По ее одежде. Ну, как у женщины из таких домов...
 - А где теперь утопленница?
 - Пока в мертвецкой.
 - Полиция наводила справки относительно того, из какого дома была эта несчастная?
 - Разумеется. Справки наводились во всех подобных заведениях, но нигде не пропадало ни одной девушки. Должно быть, она занималась своим ремеслом тайно.
- Пинкертон сунул полисмену несколько долларов и пошел с Бобом дальше.
- Прежде всего мы отправимся в мертвецкую.

Бриджет Гольдгилль оказалась там единственной покойницей. Ее восковое лицо еще сохраняло свою красоту, и обступившие ее люди были явно потрясены видом несчастной, которая сама положила конец своей молодой жизни.

Пинкертон и его молодой помощник молча стояли около тела. Они знали трагическую судьбу этой девушки, и им больно было слушать, когда кто-либо из окружающих делал заявление по поводу того, что мертвая красавица была падшей, бесчестной женщиной.

Они уже собрались уходить, как вдруг Пинкертон остановился. В мертвецкую вошла пестро одетая толстая женщина, а с ней еще одна – молодая, с нахальным, но потрепанным лицом. Щеки обеих были густо нарумянены – они, видимо, любили обращать на себя внимание. На руках толстухи сверкали крупные бриллианты, которые она старательно выставляла напоказ.

Они подошли к гробу. Сыщик зорко следил за каждым их движением и заметил, как толстая женщина с облегчением вздохнула и легонько толкнула молодую локтем. При этом не было сказано ни слова.

Пинкертон сейчас же дал знак Бобу и вместе с ним вышел из мертвецкой. На улице он остановился и сказал:

- Подождем здесь. Надо узнать, где живут женщины, которые только что пришли посмотреть на покойницу.
- Зачем? – спросил Боб.
- Толстуха, без сомнения, и есть содержательница притона, в который Джеймс Рубби доставил несчастную Бриджет!

Боб с удивлением посмотрел на своего наставника.

– Я тебе объясню, в чем дело, – продолжал Пинкертон. – Я рассчитывал именно на такого рода посетителей и хотел уже расспросить сторожей. Но нам повезло, и они пришли именно тогда, когда мы там находились. Вот как обстоит дело. Женщина, которой Рубби доставляет свой живой товар, разумеется, так же виновна, как и он. Вчера вечером, когда недавно доставленной молодой Бриджет Гольдгилль удалось сбежать из притона разврата, владелица последнего, конечно, страшно перепугалась. Обещанная девушка могла пойти в полицию и сделать заявление о совершенном над ней насилии. Но Бриджет об этом не подумала, а только написала несколько строк матери в Нью-Йорк и бросилась в воду. Сегодня содержательница притона узнала о самоубийстве, сразу догадалась, что утопленница, вероятно, Бриджет Гольдгилль, и пришла сюда, чтобы окончательно в этом убедиться. Я видел, как она подтолкнула свою спутницу, что значило: да, это она! Затем она вздохнула с облегчением: славу Богу, ее мне больше нечего бояться!

Боб кивнул головой. Теперь ему действительно все было ясно.

Сыщикам недолго пришлось ждать появления двух женщин. Через несколько минут они вышли из мертвецкой, и по выражению их лиц было видно, что они нашли там то, что искали.

Взявшись под руку, «дамы» шли, весело о чем-то болтая. Младшая бросала на прохожих наглые взгляды.

И тут сыщику пришла в голову неожиданная мысль. Он сделал Бобу знак держаться сзади, а сам пошел быстрее, чтобы обогнать «дам». Когда он проходил мимо, младшая, конечно, и на него бросила быстрый дерзкий взгляд.

Приостановившись рядом с ней, он приподнял шляпу и игриво спросил:

– Куда вы торопитесь, красавица моя?

Она засмеялась грубо и вызывающе.

– Выпить рюмочку, если ты угостишь!

– Отчего же нет? Но где?

– А пойдем со мной. Мы живем недалеко отсюда, и там вина – сколько душе угодно!

– Да и не только вина! – с отвратительной улыбкой добавила толстуха.

Молодая женщина уже взяла Пинкертона под руку.

Она внушала сыщику отвращение, близость ее была ему неприятна, однако он последовал за ней, старательно смеясь, когда она отпускала циничные замечания.

Наконец они свернули в какой-то мрачный переулок, который носил название Темной улицы, и остановились перед домом № 6. Это было грязное, уродливое здание. Толстуха открыла дверь, и они вошли.

Пинкертон успел бросить быстрый взгляд назад и, убедившись, что Боб следует за ними, прошел в слабо освещенную прихожую, а оттуда в гостиную, убранную с безвкусной, кричащей роскошью и уставленную мягкими диванами и креслами.

В гостиной оказалось довольно много едва одетых девушек, и Пинкертон заметил, что среди них были представительницы самых различных рас – и белые, и негритянки, одна индианка, в углу сидела даже маленькая грациозная китайночка. Но Веры Зандоу здесь не было.

Когда сыщик показал толстой хозяйке сто долларов и спросил, нет ли у нее чего-нибудь исключительно интересного, она лукаво подмигнула ему и ответила:

– Сегодня нет. Но приходите завтра, я смогу удовлетворить ваше желание. И поверьте, вы останетесь довольны!

Пинкертон вздохнул с облегчением. Значит, Вера пока еще не здесь. По словам хозяйки, можно было предположить, что она должна появиться в этом доме завтра. Но нельзя было рассчитывать на это с полной уверенностью, так как Джеймс Рубби поставлял, вероятно, свой живой товар не в один притон.

Сыщик с трудом отделался от назойливых любезностей, с которыми приставали к нему девушки. Ту, с которой Пинкертон пришел, звали Эмми, и она решила, что может предъявлять на него особые права. Она не отходила от него ни на шаг, то обнимала его, то старалась поцеловать или же наполняла бокалы каким-то напитком, который можно было принять за что угодно, только не за вино, и который вызывал у Пинкертона тошноту.

В гостиную вошла толстая хозяйка.

– Да что это, Эмми! – закричала она. – В семь часов ты должна быть на пристани, а теперь уже половина седьмого. Сейчас же иди переодеваться!

Эмми вскочила.

– Надо торопиться.

Нат Пинкертон притворился огорченным.

– Ты уезжаешь?

– Да, – подтвердила она с нахальным смехом. – Хочу посмотреть, нет ли в Южной Америке красивых мужчин. Сегодня ночью я уезжаю.

– Куда же ты поедешь? – спросить Пинкертон с равнодушным видом.

– В Рио-де-Жанейро. «Чайка» уже стоит у пристани, готовясь к отплытию.

– И ты поедешь одна? Неужели тебе не будет скучно?

– Нет! Нас едет целая компания девиц, и, конечно, нам будет весело. Насчет этого я нисколько не беспокоюсь.

Она вышла, чтобы переодеться. Пинкертон решил, что ему не следует упускать эту девушку из виду. У него возникло предположение, что именно с «Чайкой» отправляли в Южную Америку партию тех несчастных, которых якобы для получения хорошо оплачиваемых мест заманивали в притоны разврата, откуда уже не было спасения. Весьма возможно, что и Вера Зандоу находится в числе этих ничего не подозревающих жертв. Эмми была, вероятно, орудием в руках продавца женщин, его помощницей, которая должна была ехать вместе с несчастными, чтобы поддерживать в них чувство безопасности до прибытия на место назначения.

Уверенность сыщика еще более усилилась, когда спустя некоторое время Эмми снова вошла в гостиную. Теперь на ней были элегантное серое дорожное платье и простенькая шляпа, в руках она держала маленький чемоданчик.

Ничто не выдавало ее гнусного ремесла – румяна и белила были смыты, она производила впечатление вполне порядочной дамы.

Вихрем подлетев к Пинкертону, она звучно поцеловала его, торопливо простилась со своими товарками и вышла на улицу.

Пинкертон бросил на стол пятидесятидолларовую бумажку и вышел за ней, преследуемый громкими возгласами сожаления со стороны оставшихся красавиц.

* * *

Эмми только что завернула за ближайший угол. Он пошел вслед за ней, стараясь, однако, остаться незамеченным. Боб, поджидавший на улице, пошел с ним. Вскоре они оказались на пристани.

Стемнело, и на набережной уже не было оживления, толкотни и суеты, как бывает здесь днем. Дойдя до довольно безлюдного места, Эмми издала короткий негромкий свист. Через минуту от небольшого стоявшего несколько в стороне парохода отчалила лодка, которую два гребца направили прямо к тому месту, где остановилась Эмми. Она спустилась к ним по каменной лесенке, лодка отчалила и отвезла ее на пароход.

«Это “Чайка”! – решил Пинкертон. – Мне нужно попасть на нее во что бы то ни стало и убедиться, правильны ли мои предположения!»

Ему удалось найти небольшую лодку, привязанную у берега, и сыщики торопливо сели в нее. Боб взялся за весла. Стараясь грести как можно тише и держась в тени больших судов, они добрались наконец до «Чайки».

По свисавшему с борта канату Пинкертон поднялся на палубу и, никем не замеченный, спрятался за грудой лежавших канатов – отсюда он мог видеть все, что происходило на палубе.

На корме сидели человек двенадцать девушек, весело и оживленно болтавших между собой. Все они были очень красивы. Тут же находилась и Эмми.

Пинкертон уловил кое-что из их разговора.

– Ах! – восторгалась одна. – Как я счастлива, что увижу наконец роскошную флору Южной Америки. Мистер Рубби говорил, что в том доме, куда он собирается поместить

меня в качестве воспитательницы, у меня будет много свободного времени. Какие чудные прогулки я стану совершать, как буду наслаждаться природой!

– Вы будете поражены ее прелестью! – вставила Эмми. – Я два года прожила в Рио-де-Жанейро на чудном месте, которое предложил мне мистер Рубби!

Пинкертон понял, что предположения его совершенно верны: Эмми ехала с этими девушками, чтобы усыпить всяческие подозрения, которые могли у них возникнуть.

Веры Зандоу среди молодых девушек не было, но сыщик вскоре услышал ее имя. Одна из девушек спросила:

– Что же мы не едем? Ведь говорили, что мы снимаемся с якоря в семь часов.

Другая ответила ей:

– Мы ждем мистера Рубби, он должен приехать с мисс Верой Зандоу, с которой я жила вместе в «Морской гостинице». Он говорил, что должен еще пойти с ней за какими-то покупками, и хотел сам привезти ее на пароход.

В эту минуту к пароходу подошла лодка и кто-то позвал капитана.

Пинкертон видел, как капитан нехотя вылез из своей каюты. Это был рослый старик с неприятным, лукавым лицом.

– Эй! Чего тебе, Джимми? – крикнул он подъехавшему в лодке человеку.

– Мистер Рубби велел передать, чтобы вы отплывали без него. Мисс Вера получила место здесь, в городе, и не поедет. Мистер Рубби отправится завтра с пароходом, который пойдет в Пуэрто-Рико, и просил вас зайти туда, чтобы забрать его.

– Хорошо, сделаем! – пообещал капитан и распорядился, чтобы пароход снимался с якоря.

Нат Пинкертон знал теперь все, что ему было нужно. Он осторожно подкрался опять к борту и посмотрел вниз. Но Боб с лодкой исчез: очевидно, он решил отъехать в сторону, когда приблизилась вторая лодка.

Тем не менее на пароходе оставаться было уже нельзя. Экипаж высыпал на палубу и начал готовиться к отъезду. Недолго думая, Пинкертон перескочил через перила и по канату спустился прямо в воду.

Проплыв некоторое расстояние, он увидел Боба, который, услышав зов, поспешил к нему. Через минуту сыщик уже сидел в лодке, и Боб направил ее к берегу.

В тот самый миг, когда они причалили, на «Чайке» раздался резкий свисток и маленький пароход с живым грузом, покинув гавань, поплыл к далеким южным берегам.

– Отправляйся сейчас же в полицию, – приказал Пинкертон помощнику, – и заяви там, что пароход «Чайка» везет молодых девушек для продажи в южноамериканские приюты разврата. Капитан, по-видимому, действует заодно с преступниками. Надо немедленно догнать эту «Чайку» и вернуть обратно, а капитана и экипаж арестовать. Скажи в полиции, что сам я здесь и еще сегодня вечером предоставлю им главаря преступной шайки.

Боб бросился исполнять поручение, а Пинкертон отправился в «Морскую гостиницу», где, как он слышал, Вера Зандоу останавливалась вместе с молодой девушкой и где, быть может, находилась и теперь.

Глава 4. Спасение от позора

Разыскав «Морскую гостиницу», Пинкертон вошел в находившийся на нижнем этаже обеденный зал. Он заказал стакан вина и спросил прислуживавшего ему лакея:

– Живет еще у вас замечательно красивая молодая дама с черными вьющимися волосами и темными жгучими глазами?

Лакей кивнул.

– Да, но, вероятно, сейчас уедет, так как ее спутник недавно вернулся и уже послал за каретой. Он теперь наверху, у нее в комнате. Ему можно позавидовать, не правда ли?

– Конечно!

– А вы знакомы с этой дамой?

– Я? Нет. Но я видел ее в окне и успел заметить, что она писаная красавица.

На этом сыщик прекратил разговор. Заплатив за выпитый стакан вина, он вышел из гостиницы и укрылся на противоположной стороне улицы в тени ворот. Он заметил наверху, в одной из комнат второго этажа, свет и решил, что именно там находятся те, кого он ищет. В это время к подъезду гостиницы подъехала карета.

Из окна гостиницы выглянул какой-то мужчина, затем свет погас. Через несколько минут из подъезда вышла высокая, элегантная дама в сопровождении господина, волосы которого, как заметил Пинкертон при свете фонаря, были огненно-рыжего цвета.

Эго был, без сомнения, Джеймс Рубби, а его спутница, конечно, не кто иной, как пропавшая мисс Вера Зандоу.

Она села в карету, и экипаж покати.

В ту же минуту Пинкертон бросился за ним, а когда карета завернула в темный переулок, с поразительной ловкостью вскочил на заднюю ось.

Вскоре он начал узнавать улицы, по которым проезжала карета. Через некоторое время она остановилась на Темной улице у того самого дома, где он уже был сегодня днем.

Сыщик пригнулся, чтобы не быть замеченным.

Рыжий выскочил из кареты, но Вера Зандоу не выходила. И тут Рубби вытащил из кареты длинный пакет, своим видом напоминавший завернутое в кусок материи человеческое тело.

Сыщик понял, что Рубби оглушил свою жертву, чтобы вернее и безопаснее доставить ее в притон разврата.

Дверь дома открылась. Рубби внес туда свою ношу, и дверь с шумом закрылась за ними.

Экипаж уехал. Пинкертон завернул за угол и подозвал стоявшего там полисмена.

– Я – Нат Пинкертон! Бегите сейчас же к ближайшему посту, приведите десять человек полисменов и займите все выходы из дома номер шесть по Темной улице. Трое из вас пускай поспешат в дом, чтобы прийти мне на помощь. Надо арестовать компанию чрезвычайно опасных для общества преступников.

Полисмен побежал исполнить поручение, сыщик же вернулся к дому и позвонил.

Ему открыла привратница, негрятенка. Узнав в посетителе господина, который уже был днем, она впустила его без разговоров.

Несколько женских голов высунулись из двери гостиной.

– Это он, наш щедрый красавец!

– Входи, входи, голубчик!

– Проводил свою Эмми?

Он кивнул.

– Погодите, я сейчас!

С этими словами он подошел к девушкам, легонько подтолкнул их назад в гостиную, захлопнул дверь и запер ее на ключ.

Негрятенка смотрела на все это с крайним удивлением. Пинкертон сунул ей золотой.

– Молчи! – шепнул он. – Я хочу чуть пошутить! А где же мистер Рубби и хозяйка?

Она лукаво улыбнулась.

– Выше, на втором этаже, в комнате, где укрощают строптивых. Первая дверь налево!

– Хорошо!

Нат Пинкертон поднялся наверх, бесшумно открыл дверь и оказался в комнате без окон с обитыми сукном стенами. На стенах висели кнуты и гибкие трости, очевидно употребляемые для «укрощения». Ни один крик несчастной жертвы, попавшей в эту комнату, не мог проникнуть за ее стены; здесь ее могли истязать до тех пор, пока она, лишенная всякой способности к сопротивлению, не делалась послушным орудием в руках своих мучителей...

На диване в глубине комнаты, лежала Вера Зандоу в глубоком обмороке. Ее густые черные волосы рассыпались и ниспадали до самого пола. Она была дивно хороша.

Перед ней стояли Джеймс Рубби и толстая содержательница притона. Отвратительная женщина разглядывала лежавшую без чувств девушку так, как мясник, которому предлагают скот на переработку.

– Вот видите, миссис Сомпсон! – торжествующим голосом говорил Рубби. – Вы никогда еще не имели в своем доме такой красавицы! Приручите ее и увидите, какие деньги будете загребать благодаря ей. Я положительно жалею, что запросил с вас за нее только пять тысяч долларов!

Хозяйка только что собралась ответить, как вдруг раздался громкий голос Пинкертона:

– Негодяи! Погодите заканчивать свою сделку! Я тоже хочу принять в ней участие.

Бледные как смерть, они обернулись и увидели два направленных на них револьвера.

– Вы арестованы! – крикнул Пинкертон. – Следуйте за мной! Ваша «Чайка» уже арестована.

Крик бешеной злобы был ответом Рубби.

С быстротой молнии он выхватил нож и бросился к двери, но раздался выстрел, и злодей упал с простреленным коленом. Одновременно внизу с улицы послышался стук в дверь. Дрожащая негритянка открыла, и полисмены ворвались в дом. Через некоторое время они уже отводили в тюрьму и Джеймса Рубби, торговца живым товаром, и миссис Сомпсон, содержательницу притона.

Мисс Вери Зандоу, все еще не пришедшую в себя, отвезли обратно в гостиницу. Она только на следующий день узнала обо всем, что произошло, и со слезами на глазах горячо благодарила Пинкертона, спасшего ее от ужасной участи. Как же велика была ее радость, когда она узнала, что Стюарт Куннерти просит ее вернуться, чтобы вернуть его сыну здоровье и счастье.

Пароход «Чайка» был остановлен правительственным судом, капитан и весь экипаж арестованы, а пароход вместе с молодыми девушками возвращен в Бостон.

Мошенница Эмми тоже не избежала заслуженного наказания. Оказалось, что Рубби вместе с капитаном «Чайки» и всем экипажем, миссис Сомпсон и Эмми составляли одну организованную шайку, которая уже много лет занималась своим гнусным ремеслом и погубила не одну молодую невинную девушку.

В дом старика Стюарта Куннерти вернулось счастье. Вера Зандоу заботливым уходом вылечила своего горячо любимого жениха, с которым вскоре после его выздоровления сочелась браком.

Убийство банкира

Глава 1. Чуть ли не судебная ошибка

На одной из темных и узких улиц Нью-Йорка в ряду старых домов выделялся пятиэтажный дом, на четвертом этаже которого находилась контора маклера Вильяма Брайтона. Она состояла из большой комнаты, где работал писец, и небольшой ниши, которая носила громкое название «частная контора».

Брайтон, который снимал это помещение, был приземистым, маленьким человеком с лицом хищной птицы и беспокойными блестящими глазами. Поговаривали, что он очень богат и давно мог бы открыть контору в лучшей части города, если бы не был так невообразимо скуп.

Писец Гарлей, который работал у Брайтона, не мог похвастать хорошим заработком, так как за сорок долларов в месяц должен был работать с утра до поздней ночи.

В одно туманное утро женщина, убиравшая контору, вошла и увидела страшную картину.

В большой комнате в кресле писца, уронив голову на стол, сидел Брайтон. Под ним на полу была кровавая лужа. Гарлей стоял тут же в комнате, бледный как смерть, с лампой в руках. При виде женщины он закричал:

– Скорее бегите в полицию и сообщите о несчастье!

Женщина направилась в полицейское бюро, а Гарлей, постояв с минуту, решил обратиться за помощью к Пинкертону. Он выскочил на улицу, сел в фиакр и велел ехать в контору сыщика. Найдя последнего дома, он вкратце рассказал ему об убийстве.

Пинкертон заинтересовался этим случаем и изъявил готовность расследовать дело, не откладывая его в долгий ящик. Надев шляпу, он вышел из конторы и поехал по данному ему адресу.

Там он застал инспектора полиции Мак-Конеля, производившего обыск. Последний уже установил, что убийство было совершено посредством удара в грудь обоюдоострым оружием.

Пинкертон, в свою очередь, принялся изучать место убийства. Внимательно осмотрев положение тела Брайтона, он пришел к выводу, что последний был убит предательски. Никаких признаков борьбы не оказалось. Видно было, что Брайтон нападения не ожидал и что смертельный удар был нанесен неожиданно.

Рассматривая руки убитого, Пинкертон обнаружил зацепившийся за ноготь белокурый волос средней длины. По цвету он напоминал волосы Гарлея, но был несколько длиннее.

Наконец, в щели между досками пола Пинкертон нашел пуговицу от перчатки. Пуговица была золотая, с инициалами «Э. Г.». Пинкертон записал инициалы в книжку и отдал пуговицу инспектору как вещественное доказательство.

Между тем вернулся из города Гарлей. Увидев его, Мак-Конель сурово спросил:

– Кто вы такой?

– Гарлей, писец покойного Брайтона.

– Ваше имя?

– Эдвиг Гарлей.

– Что вы знаете по этому делу?

– Знаю очень мало. Но расскажу вам все по порядку.

Гарлей рассказал, что вчера вечером Брайтон, против обыкновения, приказал ему уйти домой пораньше. Сегодня же утром, придя в контору, он нашел убитого хозяина в кресле около рабочего стола.

Мак-Конель слушал молодого человека, загадочно улыбаясь. Когда последний окончил, он спросил.

– Когда вы пришли сегодня?

– Часа два назад.

– Рано, – ухмыльнулся инспектор. – Нигде так рано не начинают работать в конторе.

– Но я же объясняю, что у меня со вчерашнего дня осталась необработанная корреспонденция, и я нарочно пришел раньше, чтобы закончить ее.

Инспектор торжественно вынул из кармана золотую пуговицу с инициалами «Э. Г.» и спросил Гарлея:

– Вы не знаете этой вещицы?

Тот выпучил глаза от изумления.

– Понятия не имею.

– А инициалы этой вещицы вам тоже незнакомы?

Гарлей прочитал их и сказал.

– Правда, эти инициалы совпадают с моими, но...

– Совпадают? – насмешливо переспросил инспектор. – Странное, во всяком случае, совпадение...

– Я не понимаю, к чему вы все это говорите?! – заволновался Гарлей. – Неужели вы подозреваете меня в совершении преступления? Но ведь это дикое предположение, которое вы не имеете ни основания, ни права делать!

– Думаю, – строго возразил инспектор, – что я имею право делать предположения, какие мне угодно. И я считаю нужным вас задержать.

* * *

В квартире Брайтона они нашли кассу открытой, хотя ключа в ней не оказалось. Мак-Конель принялся рассматривать содержимое кассы. Наличных денег и процентных бумаг там было на пятьсот тысяч долларов.

– Странно, – заметил Мак-Конель, – деньги не тронуты... Очень странно.

Но при более внимательной проверке кассовой наличности по книге оказалось, что не хватает ста тысяч долларов.

– Не хватает ста тысяч! – торжествуя заявил инспектор. – Преступник недаром поработал... Если он нуждался в деньгах для нового дела, то не ошибся в расчетах.

Гарлей понял, в чью сторону был этот намек, но ничего не сказал.

Инспектор полиции испытующе взглянул на него и с улыбкой заявил:

– А теперь мы пойдем в бюро полиции, и я передам вас судье. Быть может, он отпустит вас на свободу. У нас невинных в тюрьму не сажают.

Во время допроса следователю доложили, что явился еще один свидетель по этому делу. Следователь приказал ввести его в кабинет. Это оказался Пинкертон.

Они были знакомы, и следователь удивленно воскликнул:

– А вы разве интересуетесь этим делом, мистер Пинкертон?

– Даже очень. И я имею все основания думать, что мистер Гарлей здесь ни при чем. Поэтому позволяю себе ходатайствовать, чтобы вы освободили его из-под ареста.

Судебный следователь с минуту подумал и сказал:

– Мистер Пинкертон, я ценю ваше мнение, но по закону не могу отпустить арестованного без залога. Ввиду значительности кражи у Брайтона, я не могу определить этот залог менее чем в пять тысяч.

– Залог за него я внесу через два часа! – с улыбкой произнес Пинкертон.

Но Гарлею пришлось ждать недолго. Через полчаса после того, как он был препровожден в тюрьму, туда явился следователь и сказал:

– Вы свободны. Залог за вас внесен... каким-то неизвестным лицом.

Глава 2. Кто убийца?

Изумленный Гарлей решительно не мог объяснить этого факта, однако не заставил себя дважды просить об уходе из тюремной камеры и немедленно направился к Пинкертону.

Сыщик также был поражен.

– Во всяком случае, все эти обстоятельства говорят в вашу пользу, – сказал он. И, покуривая трубку, принялся излагать свой взгляд на это дело: – Видите ли, Гарлей, я безусловно убежден в вашей невинности не только потому, что вы произвели на меня впечатление правдивого и честного человека, но и потому, что данные следствия уже дают возможность точно решить, кто мог быть виновником убийства Брайтона. Начнем с того, что в роковой вечер убитый торопился изгнать вас из конторы. Ясно, что он ожидал необычайного гостя, ибо принимал своих клиентов в кабинете, не стесняясь вашего присутствия.

Таким необычайным посетителем, я думаю, была женщина. И не только думаю, но уверен в этом.

Во-первых, об этом говорит белокурый волос, который я нашел под ногтем покойного. Во-вторых, обстановка свидетельствует, что Брайтон был убит предательски, так как погиб без борьбы.

Вероятнее всего, убийца стояла вплотную около него, он обнял ее, а она в этот миг ударила его кинжалом в сердце сверху вниз. Убийца, мистер Гарлей, была высокого роста, ловкая и молодая, так как у пожилой женщины не хватило бы силы на такой удар.

Наконец, золотая пуговица с вашими инициалами, мистер Гарлей... Это пуговица от перчатки. Вы не носите перчаток с золотыми пуговицами. Такие перчатки могут быть только у богатых франтих, щеголяющих в шикарных платьях и неустанно заботящихся о своем виде. Обыкновенная женщина не пойдет заказывать перчатки с золотыми пуговицами, на которых выгравированы инициалы. Эта пуговица решительно снимает с вас, мистер Гарлей, всякое подозрение!

Установив таким образом, что убийцей была женщина с рыжевато-золотистыми волосами, высокого роста, изысканно одетая и, вероятно, красивая, я спрашиваю себя: какие могли быть мотивы этого убийства? И отвечаю: обманутая любовь, грабеж и месть.

Но трудно представить скупого, уродливого Брайтона в роли обольстителя.

Был ли здесь грабеж? Не польстилась ли какая-нибудь авантюристка на капиталы Брайтона и, окутав своими чарами, не прикончила ли его с целью лично заплатить себе из его кассы за свои ласки?

Но против такого предположения говорят два факта: во-первых, убийца взяла из кассы всего сто тысяч долларов и оставила нетронутыми остальные бумаги на полмиллиона. Так авантюристки не делают – они берут все, что можно. Ясно, что убийца отсчитала в свою пользу сто тысяч, которые, по ее мнению, ей следовало получить с Брайтона. Это очень важный факт. И во-вторых, разве авантюристка внесла бы за вас пять тысяч залога?

Мистер Гарлей, я не сомневаюсь, что вы освобождены убийцей, у которой есть совесть и которая не желает, чтобы за нее расплачивался невинный человек.

Итак, я подвожу итоги: нам необходимо разыскивать молодую, красивую женщину высокого роста, изысканно одевающуюся, инициалы которой совпадают с вашими и которая имела основание мстить Брайтону за то, что он ограбил ее на сто тысяч долларов. Но как же нам ее найти?

Это нелегко, но и не невозможно. Для этого мы отправимся на биржу.

На бирже люди шумели и суетились как полоумные. Переходя от одной группы к другой, Гарлей выискивал знакомых и наводил нужные справки. Расследования эти привели к отрицательным результатам, так как оказалось, что среди жен биржевиков не нашлось ни одной дамы с инициалами «Э. Г.», которую можно было бы заподозрить в убийстве Брайтона.

Пинкертон, однако, не терял надежды. Он был убежден, что его соображения вполне правильны и что он идет по верному пути, поэтому решил проработать свой список более подробно и для этого еще несколько раз посетить биржу.

Когда они уже спускались по лестнице, к подъезду биржи подкатила роскошная коляска.

Из нее вышел представительный мужчина с гордой осанкой и благородным лицом. Сидевшая в коляске женщина, изящная, стройная блондинка, невольно привлекала внимание своей выразительной красотой. Господин пожал ей руку и сказал:

– Эллен, сегодня я вернусь домой рано.

– Это Галовой, – сказал Гарлей Пинкертону. – Я говорил вам о нем, миллионер, заводчик...

Но сыщик его не слушал. Лицо его было сосредоточено, глаза устремлены в одну точку. В мозгу его настойчиво повторялись слова: Эллен Галовой, «Э. Г.»...

Обратившись к собеседнику, он попросил его узнать адрес Галовея. Затем они сели в фиакр, и Пинкертон приказал ехать по указанному адресу. Гарлей с тревогой ожидал дальнейшего развития событий. Скоро фиакр остановился у подъезда роскошного дома.

Пинкертон позвонил и передал карточку, прося доложить о себе хозяйке.

Через минуту лакей пригласил их в гостиную, где на столе лежали только что сброшенные перчатки с золотыми пуговицами, на которых было выгравировано «Э. Г.».

В гостиную вошла миссис Галовой. Ее красивое лицо было бледно, в глазах читалась тревога.

– Что вам угодно? – спросила она дрожащим голосом.

– Я от имени мистера Гарлея хочу поблагодарить вас за внесенный за него залог в пять тысяч...

Лицо ее покрылось смертельной бледностью.

Она прошептала:

– Почему вы так думаете? Это не я внесла залог...

– Я понимаю движение вашего доброго сердца, – перебил ее Пинкертон, – но не понимаю, почему вас так интересовала судьба этого юноши, что вы уже с утра осведомлялись об его аресте...

Эллен Галовой от волнения не могла произнести ни слова, только беспомощно оглядывалась, еле держась на ногах. Пинкертон подошел к ней и сказал:

– Миссис Галовой, я знаю все! Мистер Гарлей невиновен, и вы должны его освободить. Залога для этого недостаточно, необходимо ваше признание.

Молодая женщина закрыла лицо руками. Послышались глухие рыдания. Гарлей дрожал всем телом, на глазах у него выступили слезы сочувствия и радости. Убийца найдена, он свободен!

– Успокойтесь, миссис Галовой, – мягко сказал Пинкертон. – Я уверен, что суд снисходительно отнесется к вашей вине. Но расскажите мне подробно обо всем.

Ломая руки и прерывая речь рыданиями, несчастная женщина рассказала свою печальную историю. Ее муж был обманут Брайтоном. Последний продал ему партию золотопромышленных акций, мошеннически подменив одни акции другими. Галовой потерял сто тысяч долларов. Хотя его считают очень богатым, все его имущество не превышало этой суммы. Потеря ее была равносильна разорению.

Тогда она без ведома мужа решила поехать к Брайтону и просить, чтобы тот вернул бесчестно присвоенные деньги. Брайтон принял ее у себя в квартире очень любезно, но в просьбе отказал. Однако предложил ей еще раз заехать в контору для переговоров.

Она приехала туда вечером. Брайтон был очень игриво настроен. Выслушав ее просьбу вторично, он нагло улыбнулся и сказал:

– Миссис, ста тысяч я вам не дам, но десять тысяч вы можете получить хоть сейчас.

И, подойдя, он обнял ее за талию.

– Кровь во мне забурила от негодования! – воскликнула Эллен Галовой. – Во мне течет испанская кровь. Я потеряла голову. На столе лежал нож для разрезания бумаг. Я схватила его и изо всех сил вонзила в грудь негодяю. Когда я опомнилась, он был мертв. Я решила идти до конца. Взяв его ключи, я поехала к нему на квартиру и вынула из кассы наши деньги. Мужу я сказала, что эти деньги составляют мое приданое. Вот и вся история моего преступления. Арестуйте меня, но мужа моего не трогайте; он не знает решительно ничего!

И несчастная женщина снова залилась слезами.

– Успокойтесь, почтенная миссис Галовой! – твердо сказал Пинкертон. – Суд будет снисходителен к вам.

В тот же день Эллен Галовой была арестована, но отпущена на поруки.

Предположения Пинкертона оправдались. Судебный процесс по делу Галовой взволновал всю страну. Присяжные заседатели признали, что обвиняемая действовала в состоянии законной самообороны, и вынесли оправдательный приговор, который был встречен восторженно.

Гарлей же поступил на службу к Пинкертону, которого он считал своим спасителем.

Всю свою жизнь он посвятил борьбе со злом и особенно горячо отдавался тем делам, где для него являлась возможность отстоять невинного и предупредить таким образом судебную ошибку, страшнее которой нет ничего на свете...

Пинкертон в гробу

Глава 1. Трагическая кончина

Аристократические круги Нью-Йорка были потрясены неожиданной смертью молодой красавицы – жены известного миллионера лорда Артура Кусвея. Четыре месяца назад состоялся этот брак, который заставил говорить о себе всю Америку и высшие круги Англии. Брак этот был неравным во всех отношениях.

Лорд Кусвей был стариком семидесяти пяти лет, а его жене Кэтти только исполнилось двадцать пять! Лорд принадлежал к одной из старейших английских фамилий, а Кэтти была артисткой в бродячей труппе. Лорд обладал огромным состоянием, тогда как имущество Кэтти заключалось в ломбардных квитанциях на заложенные вещи.

Понятно поэтому, что запоздалое увлечение лорда Кусвея послужило темой для всевозможных сплетен и пересудов. Светские кумушки не находили достаточно сильных выражений для осуждения «мальчишеского» поступка лорда и обливали помоями его молодую жену.

И вот свет еще не успел примириться с этим браком, как молодая леди Кусвей заболела тифозной горячкой и в одну неделю умерла.

Смерть ее как громом поразила престарелого лорда. Все время болезни он не отходил от ее постели и проводил ночи без сна.

Когда Кэтти умерла, он продолжал безотлучно находиться у ее тела.

В огромной зале великолепного дворца лорда Кусвея устроена была роща из пальмовых деревьев, и в тени этих пальм покоилось тело безвременно почившей красавицы, положенной в роскошный гроб из черного дерева с дорогими серебряными украшениями. Стены зала были увешаны гирляндами из незабудок, любимых цветов покойной. Сотни свечей распространяли мягкий свет в пространстве, затемненном широколиственными пальмами.

Тело Кэтти было набальзамировано, и она лежала в гробу как живая. Только лицо ее было бледным, а опущенные веки отливали свинцовым светом. Ее роскошные волосы в виде золотой короны украшали красивый небольшой лоб, а через чуть приоткрытый рот видны были ослепительно-белые зубы.

Но что более всего бросалось в глаза, так это обилие громадных бриллиантов, изумрудов, жемчугов и рубинов, покрывавших грудь, шею и руки усопшей. Чудесное бриллиантовое кольцо переливалось всеми цветами радуги, а в волосах Кэтти искрилась диадема, в центре которой ослепительно сверкал редкий голубой бриллиант. Десятки браслетов и колец привлекали взоры красотой своих форм и подбором редких цветных камней.

Лорд Кусвей стоял у гроба и любовался чертами дорогого ему лица. Лицо его носило следы пережитых мук и бессонных ночей.

Обратившись к стоявшему рядом господину, который был нотариусом, он сказал:

– Мистер Брюс, я пригласил вас для того, чтобы переделать завещание. Случилось то, чего я не ожидал. Кэтти, солнце моей заходящей жизни, которую я хотел оставить наследницей своего состояния, умерла! Я пережил ее...

Старый лорд запнулся. На глазах его показались слезы.

– Да, мистер Брюс, – продолжил он через несколько минут, – теперь я лишился всего. Я случайно встретился с этой чудной женщиной и питал себя ложной надеждой... Я не мог предложить ей любви, так как был для этого слишком стар. Но я хотел украсить остаток своих дней ее присутствием, а ее осчастливить своим именем и богатством. Я хотел превратить ее из бедной актрисы в знатную вдову, обладательницу десятков миллионов. Но судьба

решила иначе... Она в гробу, а я, при своем титуле и богатстве, снова одинок... Взгляните, мистер Брюс, как она красива! Как идут ей эти бриллианты, которые она так любила при жизни и которые она унесет с собой в могилу! Таково мое решение. Но приступим к делу. Медлить нельзя, так как, знаю, мне осталось жить недолго. Пойдемте же!

Они прошли через ряд комнат и занялись составлением нового завещания. Лорд Кусвей разделил свое имущество на две половины. Одну он завещал на благотворительные дела, а другую – своим родственникам, проживавшим в Англии.

Из родственников наибольшую долю имущества лорд Артур Кусвей завещал своему брату лорду Горасу. Остальную же часть назначил своему племяннику, сыну старшей сестры, лорду Стаунтону.

Кроме них у лорда Артура были еще два племянника – от младшей сестры, вышедшей замуж за француза, маркиза Артэ. Но этих родственников он не хотел признавать, так как сестра вышла замуж против желания семьи Кусвей, не согласившейся принять в свою среду человека, пользовавшегося плохой репутацией. К тому же эти племянники проживали в Париже и были известны своими кутежами. Они жили широко, не по средствам, вели крупную игру, были неразлучны и имели в мире веселья прозвища Билл и Вилл. Лорд Артур даже не упомянул их в завещании.

Зато он не забыл слуг и обеспечил их до конца жизни.

Нотариус, изложив волю завещателя, дал ему подписать бумагу и приложил печать.

– Ну, теперь я могу спокойно умереть, – сказал лорд и, поднявшись, направился к гробу жены.

Его предчувствие скоро оправдалось. Когда стали заколачивать крышку гроба и уже собирались выносить его из дома на погребальные дроги, лорд Кусвей покачнулся, упал и лишился сознания. Прибывшие врачи безнадежно развели руками. К вечеру не стало и старого лорда, который не смог перенести разлуки с женой.

Глава 2. Наследники

Несколько дней кряду нью-йоркские газеты описывали подробности этой трогательной драмы, рассказывали о пышных похоронах, о драгоценностях, которые унесла с собою в гроб покойная красавица, о роскошном склепе, в который были положены тела супругов.

Нотариус Брюс известил наследников покойного лорда Артура об его последней воле.

Лорд Стаунтон приехал через две недели в Нью-Йорк. Лорд Горас Кусвей прибыл неделю спустя.

Лорд Горас Кусвей был лишь немного моложе своего брата. Это был невероятно красивый старик с гордой осанкой, всегда сжатые тонкие губы которого свидетельствовали о сдержанности и непреклонности. Он был очень богат, к тому же холост.

Лорд Стаунтон был видным мужчиной лет сорока. Он уединенно жил в имении, доставшемся от родителей, и занимался хозяйством, вел скромный образ жизни, предпочитал простую пищу и любил спорт. Соседям он не нравился за необщительность, а служащим – из-за скупости. Прибыв в Нью-Йорк и ожидая приезда дяди, он поселился в скромном отеле и, как бы вознаграждая себя за деревенское одиночество, почти все время проводил, осматривая город и посещая театры, а возвращался в отель довольно поздно. По приезде он в сопровождении старого слуги покойного дяди, дворецкого Иосифа Керринга, отправился на кладбище и возложил венки на могилы своих родственников. Он долго любовался художественной постройкой склепа, сооруженного из мрамора и украшенного при входе двумя фигурами плачущих ангелов, изваянных резцом одного из величайших французских скульпторов. Фигуры эти даже на его флегматичном лице вызвали выражение восторга.

Лорд Горас Кусвей остановился в доме покойного брата. Лишь только он прибыл, как известил об этом нотариуса и лорда Стаунтона. Нотариус прочитал завещание в присутствии обоих лордов. Лорд Кусвей выслушал его с невозмутимым спокойствием. На лице же Стаунтона появилась гримаса неудовольствия, когда он узнал, что большая часть имущества завещана покойным на благотворительные дела и что ему достанется только десятая часть богатств дяди Артура.

Нотариус, дочитав завещание до конца, задумался. Покойный лорд завещал своему слуге Иосифу Керрингу в благодарность за долголетнюю преданную службу два больших бриллиантовых перстня. Нотариус вдруг вспомнил, что эти перстни остались на руке покойного и погребены вместе с ним.

– Милорды, – обратился он к наследникам, – я должен сообщить вам неприятную вещь. В суматохе, царившей во время похорон покойного лорда Артура Кусвея, я забыл распорядиться о снятии с его пальцев перстней, завещанных им дворецкому. Об этом пункте завещания знал только я один, поэтому прошу прощения за допущенный промах. Следует решить, что следует предпринять в данном случае.

Лорд Горас задумался, а лорд Стаунтон раздраженно заметил:

– Это крупный промах, и вряд ли его можно исправить. Теперь все зависит от дворецкого. Упросите его не настаивать на выполнении этого пункта и оплатите убытки.

Нотариус скорбно склонил голову и позвонил. В комнату вошел старый Иосиф.

– Вы мне нужны, – сказал нотариус. Раскрыв ему суть дела, он заявил: – Перстни эти оценивались покойным в пять тысяч долларов. Я предлагаю вам взять эту сумму и не настаивать на точном выполнении завещания, в противном случае нам придется нарушить покой вашего хозяина и вскрыть его гроб.

– Я этого не допущу, – сказал лорд Кусвей.

– И я тоже, – подтвердил лорд Стаунтон.

Лицо дворецкого изобразило смущение. Но потом он оправился и сказал:

– Милорды, покойный хозяин оставил мне достаточно для того, чтобы я мог безбедно провести остаток своих дней. И если бы он хотел оставить мне еще пять тысяч, то так бы и упомянул в завещании. Он завещал мне два перстня, которые всю жизнь не снимал с руки и которыми очень дорожил. Милорды, такой знак внимания с его стороны я ценю дорого. Эти перстни я никому не уступлю, ни за какие деньги! Конечно, я понимаю, что вам тяжело согласиться на то, чтобы вскрыть гроб, в котором находятся останки моего дорогого хозяина, но и мне нелегко требовать этого. Однако я всю жизнь беспрекословно исполнял все приказания и желания покойного и не могу нарушить его последней воли. Она для меня священна. Я желаю получить завещанные мне перстни.

Лорд Кусвей слушал, кусая губы.

– Иосиф, вы требуете невозможного! – не сдержался лорд Стаунтон. – Это гнусно! – воскликнул он. – Вы требуете, чтобы мы превратились в гробокопателей и осквернили родственные нам могилы! Мы такой подлости не допустим!

Нотариус сидел с печальным лицом и мягко уговаривал Иосифа отказаться от своей претензии.

– Я дам вам семь тысяч долларов, пожалуйста хоть меня. Вы же знаете, что я был другом вашего покойного хозяина.

Но Иосиф оставался непреклонен.

– Нет! – твердо заявил он. – То, что приказал лорд Артур, должно быть исполнено свято!

Лорд Стаунтон снова начал браниться, но нотариус заметил:

– Милорды, как представитель закона я должен констатировать, что Иосиф предъявляет вполне законное требование и вправе настаивать на выполнении пункта, помещенного

в завещании. Прискорбно, тем не менее я вынужден принять его сторону, а впоследствии готов нести ответственность за допущенную оплошность.

Лорд Кусвей покачал головой.

– Если закон на стороне Иосифа и если его решение неизменно, придется подчиниться. Мы отправимся в склеп, вскроем гроб, снимем перстни с пальцев покойного и будем просить прощения у его души за вторжение в ее последнее пристанище.

Глава 3. Драгоценности пропали

Нотариус пригласил двух полицейских инспекторов, захватил двух рабочих с инструментами, и через час на кладбище к склепу супругов Кусвей подошли восемь человек. Иосиф открыл тяжелую бронзовую дверь склепа, и они вошли. Рабочие осторожно приподняли крышку гроба, и присутствующим представилось хорошо сохранившееся набальзамированное тело лорда Артура.

Нотариус взял его за левую руку и увидел, что на ней нет перстней.

Все ошелопились... Как такое могло произойти? Может, покойный лорд снял перстни перед смертью и они остались в доме, а наследники напрасно потревожили прах усопшего?!

Но старый слуга Иосиф решительно заявил:

– Милорды, я утверждаю, что перстни не были сняты с руки покойного. Я это отлично помню, так как сам укладывал тело. Я еще нарочно положил левую руку хозяина на правую, чтобы перстни были видны...

Нотариус, растерянно потирая лоб, заметил:

– Да, и я припоминаю, что перстни не были сняты. Но мы можем проверить, был здесь вор или нет. В гробу лорда Артура Кусвей драгоценностей было только на пять тысяч долларов, а в гробу его супруги – на миллион! Я предлагаю для проверки вскрыть гроб леди Кусвей. Вор, возможно, ошибся и сперва открыл гроб лорда, а затем тот, ради которого пришел...

Лорд Горас Кусвей одобрил предложение нотариуса, и рабочие стали снимать крышку со второго гроба. Когда они ее приподняли, раздался крик изумления и негодования. Тело леди Кусвей было не только ограблено, но и обезображено. Диадема была снята вместе с волосами, серьги вырваны из ушей, пальцы отрублены, шея изрезана. Все драгоценности были похищены...

Старый Иосиф от ужаса и волнения лишился чувств. Лорд Кусвей и лорд Стаунтон стояли бледные, расстроенные и не могли произнести ни слова.

Даже полицейские, привыкшие ко многому, совсем растерялись.

– Мы должны немедленно известить сыскную полицию! – воскликнул наконец нотариус. – Кто едет со мной?

Вызвался лорд Стаунтон, прочие же остались присутствовать на церемонии закрытия гробов. Через час, удрученные печальным событием, все вышли из склепа.

Лорд Горас Кусвей с Иосифом направились в карете домой. По прибытии туда Иосиф вошел к лорду и, упав перед ним на колени, сказал:

– Простите, что я причинил вам столько горя. Но если бы я не повиновался слепо предсмертной воле покойного, страшное преступление так и осталось бы нераскрытым. Мы должны отомстить за поругание дорогих нам останков. Полиция здесь ничего не сделает. Отыскать преступников может только один человек – Нат Пинкертон. Умоляю вас, пригласите его заняться этим делом!

Лорд поднял старого слугу и сказал:

– Успокойтесь, Иосиф. Я вижу, как вы любили моего покойного брата. Мы должны отомстить негодяям. Я согласен передать это дело Нату Пинкертону.

Глава 4. Билл и Вилл

Между тем у подъезда дома остановился автомобиль. Из него вышли два элегантно одетых молодых человека и, позвонив, попросили передать свои визитные карточки лорду Горасу. Последний, прочитав их, страшно изумился.

– Билл и Вилл! – воскликнул он и распорядился: – Просите.

Билл и Вилл вошли в комнату. Дядя встретил племянников очень холодно.

– Как вы здесь оказались? – спросил он.

– Мы приехали, – сказал Билл, – чтобы узнать, как покойный дядюшка распорядился своими миллионами. Нам очень пригодилась бы парочка-другая.

– Вы очень прыткие мальчики, – ядовито заметил лорд Горас, – но покойный брат, хорошо зная, куда уходят деньги из ваших карманов, решил не обременять вас ими.

Лица племянников выразили искреннее разочарование. Дядя спросил:

– И давно вы здесь?

– Уже целую неделю. Мы ждали вашего приезда, так как слышали, что дядя Артур сделал вас своим душеприказчиком.

– Вы напрасно ждали, я по вашим счетам платить не буду. Я уже довольно вас выручал!

Билл и Вилл с тоской смотрели в непроницаемое дядино лицо. Очевидно, они рассчитывали, что он, получив громадное наследство, ласково с ними обойдется. Но холодность лорда Гораса ясно показала, что они ошиблись.

Вилл решил разжалобить сурового старика. Он описал ему их тяжелое материальное положение, нарисовал картину предстоящего разорения и позора, в конце просил не губить их и выделить им хоть частичку из оставленного дядей Артуром богатства...

– Оставьте меня в покое, – ответил дядя. – Вы достойные сыновья своего беспутного отца. Я не хочу вас знать, вы для меня перестали существовать.

Во время этих объяснений лакей подал лорду Горасу визитную карточку. Взглянув на нее, лорд сказал:

– Ну, Билл и Вилл, я вас не задерживаю! У меня возникли неотложные дела.

Племянники сконфуженно вышли.

Навстречу им шел высокий господин с бритым лицом и пронизательным взглядом. Это был Нат Пинкертон, которого Иосиф привел из бюро.

Лорд Горас попросил Пинкертона присесть и принялся излагать свое дело. Пинкертон внимательно слушал, изредка задавая вопросы, и наконец спросил:

– Нет ли обойденных вашим братом наследников?

– Вы их только что видели, – ответил лорд Горас, – это наши племянники. Брат и я давно уже отказались иметь с ними какие бы то ни было дела.

И лорд Горас дал подробную характеристику Виллу и Биллу. Пинкертон внимательно слушал, затем встал и подошел к лорду Горасу.

– Позвольте взглянуть на ваш перстень. Он очень дорогой? Откуда он у вас?

Старый лорд с недоумением взглянул на Пинкертона.

– Это перстень родовой, он достался мне от отца. Ценность его громадна. Но я не понимаю, зачем вам это?

Пинкертон улыбнулся.

– Интересно, известно ли вашим племянникам о существовании этого перстня?

– Несомненно, я никогда с ним не расстаюсь и всегда ношу его, так что о нем знают все мои знакомые.

– Ну, тогда мы сможем раскрыть преступников, ограбивших трупы вашего брата и его жены. Задача облегчается. Но для этого необходимо умереть...

Лицо лорда окаменело, и он сказал:

– Я вас, мистер, не для шуток пригласил.

– Простите, милорд, но я и не думал шутить. Я говорю серьезно: необходимо, чтобы вы скончались, но чтобы похоронен был я.

Лорд смотрел на собеседника изумленными глазами.

– Да, – продолжал Пинкертон, – вы должны скончаться. Конечно, лишь для вида, о чем будет известно только вашему дворецкому и мне. Похоронен буду я, но, конечно, тоже не на самом деле, так как лягу в гроб живым и живым оттуда выйду.

– Но как же все это сделать? – спросил лорд.

– Вы только дайте согласие, а уж остальное я сделаю сам.

Лорд согласился.

– Тогда я прошу вас удалиться во внутренние покои и никого к себе не допускать, кроме дворецкого и меня. Вы ляжете в постель и притворитесь тяжелобольным. К вам будет приглашен нотариус. Вскоре после этого вы будете объявлены умершим. Я буду похоронен, а вы спокойно станете ожидать развития событий.

Глава 5. В гробу

Лорд в точности выполнил план Пинкертона. Он лег в постель, а Пинкертон поручил своему помощнику Бобу пригласить какого-нибудь нотариуса. Когда последний явился, его проводили к лорду. Лорд Кусвей, следуя заранее указанному Пинкертоном порядку действий, передал нотариусу запечатанный конверт и заявил, что, чувствуя приближение смерти, завещает похоронить себя немедленно, без всяких церемоний, а через месяц вскрыть конверт, в котором оставляет подробное завещание. Нотариус составил акт и удалился.

Утром гроб с Пинкертоном уже стоял на столе, а в газетах появилась заметка:

Положительно злой рок преследует род лордов Кусвеев. Не успели мы забыть о трагической одновременной кончине лорда Кусвея и его молодой супруги, как вчера ночью скорострительно скончался его наследник, лорд Горас Кусвей. Последний передал свое завещание нотариусу N. Похороны, согласно воле покойного, должны состояться сегодня же утром безо всякой помпы.

Все произошло так быстро и неожиданно, что родные успели появиться только к выносу тела.

Пришли лорд Стаунтон и два его кузена Билл и Вилл.

Сам лорд Горас оставался в своей спальне, а старый Иосиф суетился, охал, вздыхал и жаловался на злой рок, обрушившийся на род Кусвеев.

Родственники выражали удивление по поводу внезапной кончины лорда, но одновременно были рады этому, так как рассчитывали на получение крупного наследства. Похоронный обряд, согласно воле мнимого покойного, был чрезвычайно прост. Через два часа гроб с Пинкертоном находился уже в фамильном склепе, а старый Иосиф запер тяжелые бронзовые двери и передал ключ лорду Стаунтону.

Пинкертон хотя и мог двигаться и поворачиваться в гробу, но чувствовал себя чрезвычайно скверно. Однако необходимо было дожидаться вечера, чтобы никто не узнал о ловушке, которую он приготовил дерзким грабителям, не останавливающимся даже перед вскрытием гробов.

Когда наступила темнота и кладбищенский сторож в последний раз совершил обход, Пинкертон осторожно поднял крышку гроба и встал из него, чтобы размять онемевшие члены. Началось томительное ожидание. На ближайшей башне часы пробили десять, одиннадцать, двенадцать часов...

Глава 6. Попались!

Пинкертон прислушивался. Ночь была темная. Поднялся ветер и зашелестел ветвями деревьев, зеленой цепью окаймляющих могилы. Было жутко.

Пробило час, когда Пинкертон уловил отдаленные шаги. Он тут же лег в гроб, опустил и закрепил крышку. К дверям склепа подошли две фигуры, завернутые в черные плащи. Сверкнул луч потайного фонаря. Раздался царапающий звук. Это грабители возились с замком. Через минуту дверь склепа открылась.

Грабители подошли к нише, в которую был поставлен гроб с Пинкертоном.

– Однако, гробик основательный, – с усмешкой сказал один из них. – Сюда можно уложить двоих. Видно, покойный не любил стеснять себя ни в чем.

Они приступили к работе. Отвернув винты, которые были ввинчены только для виду, грабители начали поднимать крышку, сняв ее, навели фонарь на лицо покойника.

– Здесь подлог – это не он! – крикнул один из мошенников.

И тут мнимый мертвец встал из гроба и, наведя на преступника два револьвера, громовым голосом закричал:

– Руки вверх!

Грабители, полумертвые от испуга, замерли с искаженными лицами, с широко раскрытыми глазами, и Пинкертон мгновенно надел им наручники. Тогда только они спохватились и хотели было бежать, но Пинкертон прогремел:

– Ни с места, если вам дорога жизнь! Я буду стрелять!

Ответом на его угрозу стал град проклятий.

Пинкертон же спокойно сказал:

– Повалился кувшин по воду ходить, там ему и голову сложить. Нехорошо быть такими жадными!.. Вы, лорд Стаунтон, получили огромное наследство, но при этом так жадничаете, что обираете трупы своих родных. А вы, мистер Брюс, неправильно понимаете, в чем состоят обязанности нотариуса.

Преступники стояли, понутив головы. Лорд Стаунтон хранил молчание, но нотариус взмолился:

– Послушайте, мистер, отпустите нас, мы заплатим вам сто тысяч!

Пинкертон ядовито ухмыльнулся.

– Это дешево! – сказал он.

– Мы дадим вам миллион! – со слезами умолял нотариус.

– Дешево, милорды, дешево! Вы, очевидно, мало знакомы с Натом Пинкертоном.

– Пинкертоном? – переспросил нотариус, и лицо его покрылось мертвенной бледностью. – Ну, тогда мы пропали!..

Лорд Стаунтон сказал:

– Мистер, я не переживу такого позора... Позвольте мне лечь в гроб! Пусть я задохнусь и никто никогда не узнает о моей смерти!

– Я, милорд, не судья, а только представитель закона. Суд будет к вам снисходительнее, чем вы сами, и приговорит к менее тяжкому наказанию. А теперь пожалуйста со мною к судебному следователю...

Вызвав кладбищенского сторожа, Пинкертон отвез преступников в тюрьму...

Старый лорд Кусвей с нетерпением ждал вестей от Пинкертона. От волнения он не мог уснуть. Поэтому, когда в три часа ночи раздался телефонный звонок, лорд сам подошел к аппарату.

– Алло! Кто у телефона?

– Нат Пинкертон.

– Что слышно?

– Преступники пойманы и доставлены в тюрьму.

– Билл и Вилл?

– Нет. Лорд Стаунтон и нотариус Брюс...

Старый лорд переспросил еще раз: он не хотел верить своим ушам.

Лорд Стаунтон покончил с собой в тюрьме, повесившись на перекладине решетки. Нотариус пытался бежать, но, прыгая с ограды, сломал ногу и был приговорен к трем годам каторжных работ.

Выиграли в этой истории Билл и Вилл.

Лорд Кусвей, подозревавший их в столь позорном деянии, не пожелал остаться перед племянниками в долгу. Он призвал молодых людей к себе и, ближе познакомившись с ними, убедился, что пусть они и легкомысленные гуляки, но честные и благородные юноши.

Поэтому старый лорд приблизил их к себе и сделал своими наследниками.

Злодей Гризам

Глава 1. Страшная находка

Для Чарлза Фредерика сегодня был настоящий праздник. Лицо его сияло с самого утра, когда он выходил из конторы адвоката, у которого служил.

Он ушам своим не поверил, когда патрон сказал, что освобождает его на сегодня от занятий. До сих пор для него оставалось загадкой, каким образом адвокат, обыкновенно не даривший своим подчиненным ни одного лишнего часа, вдруг сделался столь любезным и щедрым.

Маленький конторский писец не подозревал, что его строгий хозяин только что получил известие о счастливом выигрыше на бирже, обещавшем солидный куш. Это радостное утреннее известие и привело к тому, что он в порыве великодушия подарил Чарлзу Фредерику двадцать долларов и на весь день освободил от занятий.

Впрочем, Чарлз не ломал себе голову над тем, как и отчего все это произошло, а просто радовался неожиданному свободному дню и задумался, как бы лучше его использовать. Ему хотелось провести день как можно приятнее, не жалея денег. Хозяин дал ему двадцать долларов именно с тем, чтобы он позволил себе какое-нибудь удовольствие.

Исправный и послушный служащий, Чарлз чувствовал себя обязанным буквально исполнить это предписание начальника.

Вдруг ему явилась мысль, от которой лицо так и засияло, он даже присвистнул от радости.

– Кони-Айленд! – воскликнул он с восторгом.

Кони-Айленд – это особое увеселительное место недалеко от Нью-Йорка, служащее специально для развлечения публики и открытое в течение всего лета. Можно с уверенностью сказать, что другого подобного учреждения на свете не существует. Это своего рода огромный сказочный балаган, и то, что изобретательные янки предлагают здесь удивленным глазам публики, нередко доходит до пределов возможного. Все новейшие усовершенствования техники применяются здесь, чтобы создать людям всякого рода удивительные, щеко-чущие нервы увеселения. Чего только тут нет! Построенные с отчаянной гениальностью американские горки, карусели, водяные колеса приглашают посетителей в отважные, головокружительные поездки. На открытых сценах и в театрах даются всевозможные представления, а буфеты, чайные и рестораны предлагают публике, стекающейся сюда тысячами, всякого рода угощения.

Сюда-то Чарлз Фредерик и решил направить свои стопы. Прежде он был здесь один раз, да и то вынужденный считать каждую копейку, выбирая, чем бы насладиться. Теперь он решил кутнуть вовсю и провести в Кони-Айленде весь день до самого вечера.

Когда он приехал в Кони-Айленд, было уже около полудня. Прежде всего он пошел в один из ресторанов подкрепиться, а пообедав вкусно и плотно, решил присмотреться к тому, что предлагалось публике.

Народу было еще мало, так как главная масса стекалась сюда только вечером.

Чарлз Фредерик отправился осматривать достопримечательности. Он проходил мимо деревянных павильонов, в которых находились выставки всякого рода уродов – как людей, так и животных; видел всевозможные карусели и даже предпринял головокружительную поездку в коляске, устроенной наподобие лодки и спускавшейся с высокой башни прямо в расположенный под ней пруд.

Он пошел дальше и очутился перед каменным строением, служившим зверинцем, в котором показывали всякого рода диких зверей. Над входной дверью, к которой вела невысокая лестница, крупными буквами было написано: «Львы Гризама».

Чарлз поднялся по лестнице и подошел к небольшому окошечку, за которым сидела кассирша, маленькая толстая женщина с вульгарным красным лицом.

– Пожалуйста, дайте мне билет, – сказал он.

– Представления нет, – ответила она пискливым голосом. – Зайдите позже, сэр.

– Я пришел посмотреть на львов, а не представление, – заметил Чарлз.

Она испытующе посмотрела на него, повернулась в сторону внутренних помещений и крикнула:

– Эдвард, ты готов?

– Сейчас, – раздался оттуда мужской голос. – Чего тебе?

– Один джентльмен желает посмотреть на львов.

– Впусти его.

Кассирша снова повернулась к посетителю.

– Можете посмотреть зверей, плата двадцать центов.

Чарлз Фредерик заплатил и вошел в зверинец. В первом помещении находились клетки с обезьянами, попугаями и всякими мелкими зверьками. Чарлз бросал им кусочки хлеба, которые захватил с собой, и смеялся, когда животные пускались в драку, желая завладеть добычей.

Он и не заметил, как в дверях второго помещения появился человек, под серой курткой которого виднелось пестрое трико. Человек этот недобрыми глазами разглядывал раннего посетителя, но, заметив невинные шутки, которыми тот забавлялся, видимо, успокоился, и выражение недоверия исчезло с его лица.

Чарлз заметил его только тогда, когда направился в следующее помещение.

Странно, но лицо этого мужчины производило крайне негативное впечатление. В грубых чертах было что-то отталкивающее, однако особенно неприятны были недобрые глаза.

Судя по одежде, это был сам знаменитый укротитель львов, и Чарлз вежливо ему поклонился.

– Вы пришли в неурочный час, – заявил укротитель. – Публика обыкновенно собирается только к началу представлений.

– Я очень люблю зверей, – возразил Фредерик. – Но поскольку у меня на сегодня есть еще другие планы и я едва ли снова попаду в ваш зверинец, мне хотелось бы посмотреть на зверей сейчас.

Гризам кивнул и пропустил Чарлза.

– Только берегитесь! – предупредил он. – Львов нельзя кормить, как обезьян, это опасно!

– Да им едва ли понравится хлеб! – со смешком возразил Чарлз.

Он вошел в следующее помещение и не сдержал невольный крик изумления. По сторонам обширной залы стояло множество клеток, но восторг Чарлза вызвала одна из них, посредине, в которой находились два огромных льва.

Чарлз, не спуская глаз с львиной пары, с трепетом в душе думал о том, как ужасно было бы попасть в лапы этих хищников.

Даже теперь такие, по-видимому, мирные и кроткие, львы, тем не менее, вызывали чувство робкого почтения к себе.

Налюбовавшись этими животными, он решил посмотреть других зверей, но тут заметил, что развязался шнурок на башмаке, и нагнулся, чтобы завязать его.

Вдруг он почувствовал, как сердце болезненно сжалось, по коже пробежал мороз.

Вокруг большой львиной клетки, на расстоянии приблизительно двух метров от нее был устроен барьер, чтобы посетители не могли подходить к клетке вплотную или трогать ее руками. Между клеткой и барьером на земле валялись остатки мяса, очевидно, выпавшие из клетки во время обеда животных.

Когда Чарлз нагнулся, чтобы завязать башмаки, то взгляд его невольно упал туда, и среди мясных отбросов он увидел окровавленный человеческий палец.

Молодой человек с трудом сдержался, чтобы не вскрикнуть, но сразу сообразил, что этим навлечет на себя неминуемую гибель. С минуту он оставался в той же позе, машинально продолжал завязывать шнурки, но глаза его не отрывались от пальца, который лежал на песке немым свидетелем страшного злодеяния.

Мысли в голове Чарлза сменялись с быстротой молнии. Одно только ему было ясно: нужно во что бы то ни стало притвориться, что он не заметил этого пальца, о присутствии которого, вероятно, не подозревал и сам владелец зверинца.

Следовало оставаться спокойным и продолжать осматривать зверинец. Молодой человек героически преодолел невыразимое чувство ужаса и поднялся. Он подошел к следующей клетке и заметил, что Гризам, укротитель львов, все еще стоит в дверях и наблюдает за ним.

Ему хотелось броситься на улицу, подальше от того ужасного места, где из всех углов, казалось, жадными глазами смотрела на него смерть, но Чарлз знал, что при столь неожиданном бегстве Гризам задержал бы посетителя, и тогда гибель его была неизбежна.

При этом его ни на минуту не покидало осознание ужасного открытия, что львы в большой клетке получают в пищу человеческое мясо.

Что у укротителя совесть нечиста, было видно из всего его поведения, которое для Чарлза сделалось теперь понятным.

Тут, очевидно, произошло какое-то неслыханное преступление, и, чтобы предать злодея заслуженному наказанию, надо было действовать умно и осторожно.

Точно во сне продолжал молодой человек переходить от одной клетки к другой, время от времени поглядывая на дверь, где стоял Гризам.

Чарлз осмотрел всех животных и одновременно пришел к решению забрать окровавленный палец, чтобы иметь улику против злодея укротителя.

Но как? Дело нелегкое. Чарлз заметил, что Гризам зорко наблюдает за каждым его шагом.

Чарлз снова подошел к большой клетке, достал из кармана сигару и, как бы играя, принялся вертеть ее между пальцами.

И вот наконец он остановился в том месте за барьером, где лежал окровавленный палец.

Разглядывая львов, он все быстрее вертел сигару и, словно нечаянно, уронил ее так, что она упала рядом с пальцем. Чарлз тут же нагнулся, просунул руку под барьер, схватил сигару вместе со своей ужасной находкой и отправил их в карман.

Еще несколько минут простоял он, разглядывая львов, наконец повернулся и направился к выходу. Он преспокойно прошел мимо Гризама и даже поклонился ему, причем на этот раз укротитель ответил несколько любезнее. Чарлз вздохнул с облегчением, когда наконец вышел из зверинца и очутился на улице.

Женщина, сидевшая у кассы, смотрела ему вслед, и пока она могла видеть его, Чарлз шагал ровно и медленно, как человек, которому незачем торопиться. Но, завернув за угол, он бросился бежать, точно за ним гналась сама смерть. Ему хотелось окликнуть первого попавшегося полисмена и сообщить о своей страшной находке.

Но затем Чарлзу в голову пришла другая мысль. Он вспомнил знаменитого Ната Пинкертон, об успехах которого ему не раз приходилось слышать.

И он не медля ни минуты отправился в Нью-Йорк. Ему страшно было запустить руку в карман, где лежал окровавленный палец, и он только тогда несколько пришел в себя, когда очутился перед домом, в котором находилась контора Ната Пинкертона.

Глава 2. Чей палец?

Чарлз попросил доложить о себе, и его приняли.

Войдя в кабинет Пинкертона, он достал из кармана окровавленный палец и молча положил его перед сыщиком.

– Признаюсь, – сказал Пинкертон, – такое поведение вполне способно вызвать во мне живейший интерес к вашему делу! Расскажите же, что означает этот окровавленный палец.

Чарлз Фредерик подробно рассказал обо всем, что видел и пережил в зверинце. Пинкертон слушал с живейшим вниманием и не прерывал его, а только делал какие-то заметки в записной книжке. Когда Чарлз закончил, он протянул ему руку и сказал:

– Вы отлично сделали, что пришли ко мне. Дело настолько своеобразное, что полиция едва ли может быть тут полезна. Она, разумеется, сейчас же арестует владельца зверинца и этим только испортит все, так как, очевидно, преступник скрыл следы своего преступления, а по поводу найденного пальца сумеет как-нибудь вывернуться. Нужно действовать очень продуманно, чтобы доказать его вину. А значит, пока не стоит делать никакого заявления. И позвольте высказать вам свое полное одобрение: в истории с пальцем вы вели себя прекрасно! Итак, вы сообщили мне все необходимые детали, поэтому я могу воздержаться от дальнейших вопросов и не стану вас больше задерживать.

На лице молодого человека показалось выражение некоторого разочарования. Он думал, что будет принимать участие в раскрытии преступления! Пинкертон угадал его мысли и ласково сказал:

– Понимаете, мистер Фредерик, преследование преступника я должен проводить со своими помощниками, непосвященный будет только помехой. Но обещаю, что после раскрытия преступления я немедленно лично сообщу вам об этом. Кроме того, вы получите право на известную награду, если таковая будет назначена!

Чарлз поблагодарил. Его радовала не столько мысль о награде, сколько то, что Пинкертон обещал лично известить его о результатах своей работы.

Оставив сыщику адрес конторы, в которой он служил, Чарлз раскланялся и вышел. Охота к каким бы то ни было зрелищам и увеселениям Кони-Айленда у него пропала. Он отправился к себе в квартиру и провел остаток дня в размышлениях над тем, что пришлось пережить.

Нат Пинкертон после ухода Чарлза Фредерика вызвал к себе любимого помощника Боба и сообщил ему о страшной находке со всеми уже известными нам подробностями...

– Прежде всего надо установить самое важное: кому принадлежал этот палец?

Пинкертон принес небольшую чашку с водой и полотенце и обмыл палец. Затем взял лупу и начал внимательно разглядывать ужасную находку. После, передавая Бобу лупу и палец, он сказал:

– Очевидно, что палец этот мужской и принадлежит богатому человеку. На нижнем конце пальца ты увидишь ясные следы того, что несчастный носил широкое и, надо полагать, дорогое кольцо. Кожа белая и без следов какой бы то ни было работы. Палец сморщился, первоначально же он был очень толстым, из чего я заключаю, что он принадлежал человеку довольно тучного телосложения. Ноготь гладко отполирован и выхолен – похоже, человек этот заботливо относился к своей внешности и поручал уход за ногтями парикмахеру. При этом он, очевидно, любил нюхать табак, так как под ногтем можно найти едва замет-

ные следы нюхательного табака. Наконец, я вижу, что этот палец – средний с правой руки. Это доказывает как его строение вообще, так и тонкая кожа. Наверху, на кончике пальца, ты найдешь крошечные синие пятнышки – следы чернил. Мне думается, что этот человек был биржевиком. Это предположение прямо напрашивается ввиду всех примет. Чернильные пятна остались от карманного пера, которым он делал пометки на бирже.

– Совершенно верно, – согласился Боб. – Как, однако, много можно увидеть по одному только пальцу!

– Итак, человек, которому принадлежал этот палец, был богат, тучен, любил нюхать табак, полировал ногти у парикмахера и, по всей вероятности, был финансистом. Учитывая эти данные, необходимо разузнать, не исчезал ли такой человек и когда именно. Кстати, еще один вопрос: как ты думаешь, каким образом палец был отделен от руки?

Боб задумчиво покачал головой и наконец ответил:

– Трудно предположить, что палец был откушен зубами льва. Его отрезали острым, как бритва, ножом.

– Ты прав! – заявил Пинкертон. – Палец, несомненно, отрезан ножом, из чего я вывожу логическое заключение, что несчастный пал жертвой грабежа. Вот как я представляю себе ход всего дела. Богача заманили в зверинец и там оглушили или убили. Затем его ограбили и раздели. Кольца, которые он носил, сняли, но так как широкое кольцо на среднем пальце правой руки сидело очень крепко и не снималось, убийца просто отрезал палец, а уже затем снял кольцо. После тело убитого было брошено на съедение животным, причем туда же швырнули и отрезанный палец. Убийца думал, что он будет съеден, но во время грызни между львами из-за человеческой плоти палец был, вероятно, отброшен и остался лежать перед клеткой, где его и нашел Чарлз Фредерик.

– Но почему же Гризам не уничтожил все следы своего преступления, а вместе с ними и палец? – спросил Боб.

– Да он как раз и был занят этим сегодня утром, когда молодой человек явился в зверинец. Гризам действовал заодно с женщиной, которая сидела в кассе и которая либо его жена, либо преданная особа! Помнишь, я рассказывал, что женщина эта сначала не хотела пускать Фредерика, говоря, что представления начинаются только вечером. Когда же Чарлз заявил, что хочет только посмотреть на зверей, она повернулась в сторону внутреннего помещения и спросила: «Эдвард, ты готов?» Эдвард был занят очисткой клетки от остатков страшного обеда, но уже заканчивал свою работу, поэтому ответил, что молодой человек может войти. О том, что что-то может оказаться перед клеткой, он не подумал, и это было одной из тех грубых, фатальных ошибок, которые подчас допускают самые ловкие преступники.

Глава 3. Опасность надвигается

У подъезда одного из роскошных домов Нью-Йорка вблизи Центрального парка остановилась пролетка. Из нее вышел Нат Пинкертон и позвонил.

Через несколько секунд дверь отворилась, и лакей вежливо поклонился незнакомому посетителю.

– Можно видеть мистера Робертсона? – спросил Пинкертон.

– Хозяина нет дома.

– А его жена дома?

– Они сегодня не принимают.

Сыщик подал свою карточку и решительно заявил:

– Скажите, что я прибыл по очень важному делу.

Слуга прочел имя посетителя на карточке и с почтением посмотрел на него.

– Сейчас доложу, мистер Пинкертон.

Знаменитого сыщика пригласили в гостиную.

Через несколько минут туда же вышла миссис Робертсон.

Это была довольно полная, красивая дама. Она с улыбкой протянула сыщику руку.

– Я не могла поверить своим глазам, когда прочла на карточке ваше уважаемое имя, мистер Пинкертон! – сказала она, приглашая его присесть. – В сущности, мне следовало бы переполошиться и перепугаться, так как ваше появление доказывает: что-то случилось. Поэтому чрезвычайно любопытно узнать причину вашего прихода.

– Прежде всего я хотел задать вам один вопрос, миссис Робертсон, – начал Пинкертон. – Вы знаете, где находится в данную минуту ваш супруг?

По лицу прекрасной женщины скользнула грустная улыбка. Она покачала головой.

– Не знаю, – ответила она.

– Когда ваш супруг ушел из дому?

Она на минуту задумалась.

– Кажется, он не возвращался с позавчерашнего дня, – ответила она.

Пинкертон сделал крайне удивленное лицо.

– Не правда ли, мистер Пинкертон, вам это кажется странным? – сказала миссис Робертсон. – Прежде я грустила, чувствовала себя несчастной, когда муж покидал меня и пропадал целыми днями, предаваясь удовольствиям и оставляя меня дома одну. Но я привыкла. Дружбы и согласия между нами нет уже давно; мы живем под одной кровлей как чужие, и я не мешаю мужу делать все, что он хочет, и проводить время так, как ему нравится. Поэтому я не слишком-то волнуюсь, если муж не возвращается домой пару дней, это случается часто. Так что для меня подобное не новость.

– Это другое дело! – возразил Пинкертон. – Тем не менее на этот раз, возможно, что супруг ваш исчез против собственной воли, может быть, он даже сделался жертвой страшного преступления.

Миссис Робертсон побледнела как смерть.

– Не может быть! – воскликнула она. – Вильям убит?!

– Пока я этого еще не знаю точно. Прошу вас сначала ответить на некоторые вопросы. Ваш супруг был невысокого роста и довольно полным?

– Да, он был очень полным.

– Он любил нюхать табак?

– Да. Я всегда находила это ужасным.

– На среднем пальце правой руки он носил широкое золотое кольцо?

– Совершенно верно!

– А теперь скажите, какой костюм был на вашем супруге третьего дня, когда он вышел из дому?

– Это мне неизвестно. Но мы можем узнать у камердинера. – Миссис Робертсон позвонила. – Позови Жана! – приказала она горничной.

Лакей вошел и, почтительно поклонившись, остановился у двери.

– Скажите, Жан, какой костюм был на хозяине, когда он вышел из дому третьего дня?

– Темно-синий в светлую полоску.

– А какую обувь он надел? – спросил Пинкертон.

– Темно-коричневые башмаки.

– Хорошо, можете идти.

Лакей вышел, и Пинкертон снова обратился к хозяйке дома, волнение и беспокойство которой росло с каждой минутой.

– Вам известно, сударыня, любил ли мистер Робертсон проводить время в Кони-Айленде?

– Как же, он охотно бывал там! Он сам мне об этом говорил, да и от других я слышала, что его там можно видеть очень часто!

Сыщик встал.

– Я прошу разрешения удалиться, миссис Робертсон. Но, боюсь, мне не удастся принести вам утешительных вестей. Я немедленно приступлю к раскрытию преступления, которое – я в этом более не сомневаюсь! – совершено против вашего супруга, и постараюсь привлечь злодея к ответственности!

Миссис Робертсон заплакала. Хотя в последние годы вследствие постоянного пренебрежения бедная женщина перестала испытывать к мужу глубокую и горячую любовь, тем не менее сохранила к нему известную привязанность и втайне не переставала надеяться, что когда-нибудь он все-таки вернется. И теперь она искренними, горячими слезами оплакивала человека, с которым когда-то была так счастлива.

Между тем Нат Пинкертон уже сидел в пролетке, возвращаясь к себе в контору.

Сыщик был доволен: он знал теперь, кто стал жертвой злодея Гризама.

На бирже, где каждый день собираются тысячи людей, ни он, ни Боб ничего не могли узнать о человеке, который подошел бы под предложенное ими описание. Таким образом, оставалось только навести справки в тех парикмахерских, где мастера, кроме причесок, занимались еще и уходом за ногтями. Искусство это появилось недавно, и в городе существовало сравнительно небольшое количество таких мастерских, а те, в свою очередь, в данной области имели очень незначительную клиентуру.

Большинство этих парикмахерских находилось, конечно, вблизи богатого квартала – Пятой авеню и Центрального парка. Пинкертон и Боб отправились наводить справки в этих парикмахерских. Каждый наметил себе известное их количество, и Пинкертону после нескольких неудачных попыток удалось наконец напасть на верный след.

В парикмахерской, расположенной возле Центрального парка, ему сказали, что невысокого роста ученый господин, большой любитель нюхать табак, действительно аккуратно заходил два раза в неделю, чтобы стричь и полировать ногти. Один из мастеров знал даже, что господина этого звали мистер Вильям Робертсон и что квартира его находилась неподалеку.

Таким-то образом сыщик и попал в дом Робертсонов, а разговор с супругой богача только укрепил в нем уверенность, что жертву укротителя зверей удалось найти.

У себя в конторе Пинкертон нашел Боба.

Тот только что вернулся и сидел с угрюмым, чрезвычайно недовольным видом.

– Черт побери! – воскликнул молодой человек. – Я ничего не добился! Надеюсь, вы сделали больше?

– Да, – сказал Пинкертон. – Я знаю, кто был несчастный, которого Гризам бросил на съедение львам. Это Вильям Робертсон, очень богатый человек и финансист. Я говорил с его женой, и нет сомнения, что мы напали на верный след.

– Но что вы решили делать дальше? Поехать в Кони-Айленд и арестовать этого негодяя Гризама с его помощницей?

– Поедем в любом случае, – ответил сыщик. – Но я не хотел бы прямо сейчас арестовывать их!

– Почему же нет?

– Потому что негодяй, пожалуй, сможет ухитриться и отвертеться от правосудия. Пока у нас нет никакого другого вещественного доказательства, кроме пальца. А Гризам постарается объяснить его присутствие в зверинце каким-нибудь самым невинным образом. Допустим, например, он скажет, что один из посетителей зверинца слишком близко подошел

к клетке и хотел погладить льва, а зверь огрызнулся и откусил смельчаку палец. И кто сможет уличить его во лжи, если не будет других веских доказательств? Вот их-то нам и нужно добыть. Поэтому мы постараемся спровоцировать злодея на второе такое же дело. Тогда мы сможем накрыть его и схватить. А в этом случае уже никакие отговорки не помогут! Я думаю, Вильям Робертсон – не первая и не единственная жертва злодея. Убийство совершено, очевидно, с целью завладеть драгоценностями и крупными деньгами, которые Робертсон имел при себе. Весьма вероятно, что Гризам уже не раз пополнял кассу столь «милым» способом и впредь, очевидно, не откажется от выгодного дела... План действий поэтому таков: ты оденешься возможно элегантнее и при случае пощеголяешь туго набитым кошельком. Если ты выкажешь, кроме того, живой интерес к зверям, Гризам, без сомнения, начнет увиваться вокруг тебя и, быть может, постарается заманить в зверинец вечером, после представления. Ты, разумеется, соглашайся на все – в тот момент, когда он вообразит, что ты в его власти, мы его и прихлопнем.

– А как вы проникнете ночью в зверинец?

– Это уж мое дело. Во всяком случае, Нат Пинкертон позаботится о том, чтобы его верного Боба не разорвали дикие звери.

Сам Пинкертон решил ехать не переодеваясь, так как был уверен, что Гризам не знает его в лицо.

Приехав в Кони-Айленд, Пинкертон и его помощник отправились туда, где находился зверинец Гризама. Они шли, не соблюдая никакой осторожности, и негромко обсуждали план действий.

Около ресторана, в котором за столиками сидело множество народу, они на минуту остановились, и сыщик еще раз оглядел Боба.

В этот момент из ресторана вышел рыжеволосый человек, одетый в простое, но достаточно чистое платье, с отвратительной разбойничьей физиономией.

Увидав сыщиков, не обративших на него никакого внимания, и, видимо, сразу узнав знаменитого Пинкертона, человек приостановился. Злая улыбка появилась на его лице, и он спрятавшись за углом соседнего дома, откуда легко было незаметно следить за Пинкертоном и его помощником. Это был рыжий Билл, тот самый негодяй, который когда-то активно участвовал в составлении заговора против Пинкертона, а в другой раз посредством прицепленной под столом бомбы пытался взорвать сыщика в его же квартире.

Оба сыщика, прокладывая себе дорогу сквозь всю толпу, медленно пошли по направлению к зверинцу Гризама, и рыжий Билл последовал за ними, стараясь ни на минуту не потерять их из виду.

– Сначала пойду я! – заявил Пинкертон помощнику, когда они достигли цели. – Мне хочется присмотреться к обстановке, собрать доказательства. Я дам тебе знак, когда войти.

– Хорошо, я буду прогуливаться неподалеку, – согласился Боб.

Пинкертон преспокойно поднялся на крыльцо, купил билет и скрылся во внутренних помещениях зверинца.

Во втором помещении, где содержались львы, как раз начиналось представление.

Сыщик протиснулся вперед, внимательно следя за фокусами укротителя. Тот держался очень уверенно: подставлял львам обручи, через которые они должны были скакать, заставлял их ложиться и снова вставать, ездил на них верхом и вообще демонстрировал чудеса дрессировки, вызывая громкое одобрение публики.

Пинкертон прошелся по зверинцу, не оставив без внимания ни одного закоулка. В заднем углу ему удалось заметить узенькую дверь, которая, очевидно, вела в закулисные помещения.

Сыщик осторожно оглянулся. Никто из присутствующих не обращал на него внимания. Все не спускало глаз с Гризама, проделывавшего фокусы со своими львами.

Пинкертон нажал на ручку двери и, быстро скользя в лежащее за ней помещение, снова закрыл ее за собою. Он очутился в коротком коридоре, который вел в квартиру укротителя.

Она состояла из трех комнат. Гостиная была убрана не без некоторой претензии на элегантность, но Пинкертона интересовало не это. Он направился к камину и принялся рыться в золе, но не нашел никаких признаков сжигания человеческих костей или одежды.

Сыщик перешел в спальню, но и здесь не нашел ничего подозрительного.

Наконец он попал в кухню. Зола в плите также не представляла собой ничего подозрительного. Зато Пинкертон сделал открытие, которое показалось ему не лишенным известной важности: в углу стояла пара дорогих темно-коричневых башмаков, довольно новых.

Пинкертон знал, что Вильям Робертсон, оставляя свою квартиру третьего дня вечером, был обут в темно-коричневые ботинки, – сыщик был практически уверен, что именно эти башмаки стояли перед ним.

Он поднял один из них и осмотрел. «Тук и сын. Нью-Йорк, Бродвей 245» стояло на внутренней обшивке. Это был один из лучших и вместе с тем самых дорогих магазинов. Пинкертон сомневался, чтобы Гризам покупал там обувь.

Поставив башмак на место, он вскочил на подоконник низкого открытого окна и выбрался на улицу.

Пока он находился в зверинце, рыжий Билл, медленно поднявшись по ступеням крыльца, подошел к окошечку кассы. По-видимому, он хорошо знал кассиршу, потому что она кивнула ему, как старому знакомому.

Он притворился, что покупает билет, а сам, нагнувшись, шепнул ей:

– Я зайду к тебе в кассу и сообщу нечто очень важное.

Она подмигнула в знак согласия, и рыжий Билл вошел в первое помещение зверинца, а оттуда проскользнул в небольшой чуланчик, служивший кассой, и сел так, чтобы с улицы через окошечко его нельзя было увидеть.

– Не смотри на меня, когда будешь говорить, чтобы никто не заметил, что ты здесь не одна!

Она сделала удивленное лицо.

– Почему это? – спросила она – Что у тебя за новости?

– Не особенно приятные, – ответил он.

Она покачала головой и едва заметно улыбнулась.

– Не думаю. Кроме того, ты знаешь, Билл, об известных вещах не говорят даже с лучшими друзьями.

Он одобрительно кивнул.

– Но на этот раз, пожалуй, будет правильно, если вы посвятите меня в свои секреты. Иначе худо придется! Знаешь, кто сейчас находится в числе зрителей в зверинце?

– Кто? – спросила она со страхом.

– Нат Пинкертон!

Кассирша побледнела как смерть. Дыхание ее сделалось частым и неровным, из груди вырвался стон.

– Не может быть!

– Да! А на улице в толпе можно увидеть его помощника. На нем коричневый костюм, и выглядит он франтом.

Кассирша посмотрела на улицу и вздрогнула.

– Да-да, я вижу его! Он уже один раз бросился мне в глаза, потому что посмотрел сюда как-то особенно пристально.

– Ну вот! Надо будет принять меры. Итак, что вы натворили?

– Прошлой ночью уколошили одного и бросили на съедение львам, – прошептала она.

– Все следы уничтожены?

– Гризам уверяет, что все.

– Ну, значит, эта проклятая собака Пинкертон пришел за чем-то другим. Во всяком случае, что-то он явно прнюхал, – заметил Билл. – Не беда, мы его проучим! Эта история сломает ему шею! Хорошо было бы заманить сыщика сюда после представления и угостить им львов, как думаешь?

Глаза женщины вспыхнули.

– Ах, если бы это удалось!

– Удастся! – заверил Билл. – Надо устроить так, чтобы Пинкертон вообразил, будто на сегодня что-то готовится. Тогда он непременно явится!

– Но как его сюда заманить?

– Это я устрою. Есть у вас лакейская ливрея?

– Конечно, есть. Но на что она тебе?

– Давай скорее ключи! Я пойду в квартиру с черного хода. Не удивляйся, если через некоторое время явится лакей и передаст тебе поручение от своего хозяина!

Кассирша – это была жена Гризама – дала рыжему Биллу ключи, и преступник моментально скрылся.

Выскочив из зверинца через окно и выйдя снова к фасаду, Пинкертон заметил Боба, который сделал ему знак следовать за ним.

Дойдя до уединенного места в парке, Боб остановился. По лицу его было видно, что он может сообщить нечто очень важное.

– Начальник, мне, по-видимому, не придется разыгрывать роль богача! Негодяи уже присмотрели на сегодня другую жертву!

Пинкертон с удивлением взглянул на него.

– Да, представьте себе! Хожу я взад-вперед около зверинца, как вдруг появляется лакей в ливрее, поднимается к окошечку кассирши и начинает с ней говорить. На лице кассирши я заметил при этом такое наглое, торжествующее выражение, что невольно поднялся по ступеням и вот что услышал: «Отлично, миссис Гризам, я так и передам. Хозяин очень хочет посмотреть, как ваш муж дрессирует животных. Он придет сегодня вечером после представления, и можете быть уверены, что лорд хорошо заплатит за доставленное удовольствие».

Нат Пинкертон молча выслушал своего помощника – брови его нахмурились, лицо приняло задумчивое выражение.

– Очень уж это странно... – пробормотал он. – Положительно я начинаю что-то подозревать! Прежде всего, такие отпетые негодяи не станут действовать столь опрометчиво. Ты забываешь, что лакей является живым свидетелем преступления, и если даже предположить, что этот мифический лорд захватил бы его с собой на ночную прогулку и злодеи убили их обоих, то и тогда у них должно было возникнуть опасение, что лакей разболтал дворне о предстоящей оригинальной забаве хозяина. Нет, тут что-то нечисто! А каков собой этот лакей?

– У него грубое, неприятное лицо, все в веснушках, рыжие волосы. А еще правое плечо, как мне показалось, выше левого!

– Знаю! Теперь мне все ясно. Ну, подожди, голубчик, тебе, видно, мало старых уроков и ты опять хочешь заманить меня в западню! Я постараюсь отбить у тебя охоту строить мне козни!

– Но вы не можете отправляться в зверинец один! – испуганно воскликнул Боб.

– Нет, я пойду один! – решительно заявил Пинкертон. – Только так можно рассчитывать на успех. Я запасусь всем необходимым, чтобы быть готовым к любым случайностям. Придется вернуться в Нью-Йорк, но часа через три я снова буду здесь – к тому времени представления в зверинце закончатся. А ты пока следи за всеми, кто будет входить в этот проклятый балаган!

Глава 4. В клетке у львов

Представления в Кони-Айленде закончились. Закрыли и зверинец Гризама.

Толпа разошлась, и после толкотни и шума на всем пространстве Кони-Айленда воцарилась тишина.

Нат Пинкертон и его помощник тихонько подкрались к зверинцу и осторожно обошли его с задней стороны. Здесь он имел вид обыкновенного дома, сюда выходила квартира Гризама.

Одно из окон гостиной было открыто.

Пинкертон указал на него и шепнул:

– Я так и думал. Они, видимо, хотят облегчить мне дорогу, чтобы заманить в западню! Я влезу в окно, а ты подожди еще минут десять. Возможно, что окно закроют, тогда ты его взломаешь. Через десять минут ты должен последовать за мной! Держи револьвер наготове – тебя, вероятно, будут поджидать. Из квартиры ты пройдешь коридором до двери, ведущей в зверинец. Осторожно попробуй, не закрыта ли она, и если да, то открой ее отмычкой. Но входи в зверинец не раньше, чем я подам знак выстрелом! Понял?

– Понял и поступлю согласно вашим предписаниям!

Подойдя к открытому окну, Нат Пинкертон несколько минут постоял, прислушиваясь, потом одним прыжком вскочил на подоконник и скрылся в темноте.

Бобу сделалось жутко: он невольно подумал о том, какая опасность ожидает сыщика, если в комнате затаилась шайка преступников.

Он не мог стоять на месте, и прошло не более пяти минут, как он уже приблизился к дому. Но в ту минуту, когда он собрался вскочить на подоконник, кто-то тихо закрыл окно изнутри.

Боб не стал медлить. Ему было все равно, ждет его в комнате человек, закрывший окно, или нет. Достав из кармана алмаз, каким пользуются стекольщики, он вырезал в стекле отверстие, засунул в него руку, отодвинул задвижку и открыл окно.

Дорога была свободна. Но Боб не вскочил в дом сейчас же. Он сперва достал из кармана электрический фонарик и осветил им комнату. И увидел, что справа от окна с ножом в руке стоит человек с огненно-рыжими волосами и сверкающими глазами.

Внезапный яркий луч света ослепил его, и прежде чем он успел опомниться, Боб вскочил в окно и приставил электрический фонарь к его лицу, а дуло револьвера – к его голове.

– Ага, попался, лакей! – насмешливо воскликнул Боб. – Положи нож на стол, не то я влеплю в твою пустую голову кусочек свинца, чтобы хоть чем-то ее наполнить!

Несмотря на спокойный тон, которым говорил Боб, в голосе его чувствовалась такая решимость, а курок револьвера щелкнул так громко и грозно, что застигнутый врасплох преступник с проклятием бросил остро наточенный нож на стол.

Но прежде чем он успел обернуться, Боб с такой силой ударил его рукояткой револьвера по голове, что разбойник без чувств свалился на пол. После этого сыщик связал его по рукам и ногам, а для большей осторожности еще и засунул в рот тряпку.

– Ну-с, ты от нас не уйдешь, голубчик, – пробормотал он. – А теперь вперед, на помощь начальнику!

Нат Пинкертон, когда вошел в гостиную Гризама, никем задержан не был. Он знал, что в комнате может кто-нибудь находиться, но был уверен, что здесь с ним ничего не случится, поэтому пошел прямо к двери, ведущей в узкий коридор. Дверь в зверинец была не заперта.

Войдя в помещение, где находились клетки с дикими животными, он засветил электрический фонарь, но никого не заметил.

«Ничего, придут!» – мысленно сказал он.

С одной стороны к большой львиной клетке вела деревянная лестница. Пинкертону пришла мысль воспользоваться моментом и осмотреть замок на металлической дверце. Он поднялся по лестнице и принялся его рассматривать, как вдруг дверца распахнулась и кто-то с такой силой толкнул его в спину, что он упал прямо в клетку. Тут же в помещении зажегся свет и послышался хриплый смех. Гризам, укротитель львов, оказывается, сидел под лестницей и, уловив момент, когда Пинкертон разглядывал замок, втолкнул его в клетку и сейчас же захлопнул дверцу.

– Поздравляю, мистер Пинкертон! Надеюсь, мои львы сегодня вкусно поужинают! – крикнул он со злорадством.

– Рано радуетесь! – раздался в ответ голос Пинкертона.

Сыщик стоял, прислонившись спиной к дверце и разглядывая огромных хищников, которые приветствовали свою жертву глухим рычанием.

Пинкертон выхватил из кармана какой-то сверток и разорвал его. Внутри оказался большой пучок пакли, пропитанной особым горючим составом. Он растрепал ее, бросил перед собой и зажег – пакля вспыхнула ярким, высоким пламенем. Голодные звери, изголодавшиеся к прыжку, с ревом отпрыгнули.

Пинкертон повернулся к двери, уже не обращая внимания на львов: он знал, что они не перескочат через огонь.

Гризам и его жена, пораженные, стояли возле лестницы, с изумлением и страхом следя за действиями Пинкертона.

В каждой руке сыщика блеснуло по револьверу.

– Сию минуту откройте дверь, негодяи! Считаю до трех! Не откроете – стреляю! Раз! Но Гризам уже оправился от неожиданности.

– Пропадай, проклятый сыщик! – взревел он. – Идем, Мери!

Он схватил женщину за руку и хотел бежать, но раздался выстрел, и негодяй, которому пуля попала в живот, с диким воплем упал на пол. Жена его остановилась как вкопанная, дрожа всем телом.

– Откройте! Не то и с вами будет то же самое! – крикнул из клетки сыщик.

Потеряв голову от ужаса, женщина поднялась по лестнице и открыла дверцу. Пинкертон выскочил из клетки, и как раз вовремя – огонь за его спиной практически догорел.

Сыщик захлопнул дверцу, вытащил из кармана наручники и надел их на сообщницу преступника.

В это мгновение дверь из квартиры укротителя открылась и на пороге появился Боб Руланд.

– Ты пришел, как и было условлено, после выстрела, и все же едва не опоздал, друг мой! – весело приветствовал его Пинкертон. – Не запасись я паклей, ты нашел бы меня в виде настоящего английского ростбифа!

Они связали раненого преступника, и Боб рассказал о негодяе, который поджидал его в гостинной.

– Это мой старый приятель рыжий Билл! – кивнул Пинкертон. – Я узнал его по твоему описанию.

Сыщики покинули зверинец и отправились за полицией.

Тяжело раненный укротитель на смертном одре сознался во всех своих преступлениях. Богач Вильям Робертсон был шестой его жертвой, подобным образом погибли и пять его несчастных предшественников. Гризам не дожил до суда и умер в тюрьме. Жена его была приговорена к смерти и рассталась с жизнью на электрическом стуле. Рыжий Билл в очередной раз отправился на несколько лет в Синг#Синг.

Нат Пинкертон сдержал слово, данное Чарлзу Фредерику. Едва расследование закончилось, он отправился в контору адвоката и сообщил молодому человеку о его результатах. Чарлз был крайне польщен такой предупредительностью знаменитого сыщика. Посещение последнего, а также деятельное участие Чарлза в раскрытии преступления возвысили его и в глазах адвоката, который не только стал относиться к нему с гораздо бóльшим уважением, но и значительно повысил ему жалование.

Пираты с реки Гудзон

Глава 1. Важный разговор

Крупный коммерсант и судовладелец Балдуин Кинлей нервно ходил по кабинету и озабоченно качал седой головой, а его голубые глаза мрачно глядели из-под нависших бровей.

Наконец он остановился у окна, отдернул тяжелые занавеси и взглянул на главную улицу Нью-Йорка.

У его дома как раз находилось несколько подвод. Загрузка велась с помощью подъемного крана. Рядом стояли двое служащих с тетрадами в руках, в которых они отмечали количество зафрахтованных тюков.

Когда подвода наполнялась доверху, ее место занимала следующая. Ломовые лошади отвозили нагруженные подводы к реке Гудзон, по которой товары на баржах доставлялись до большого нью-йоркского рейда, где уже окончательно перегружались на океанские пароходы, готовые к отплытию во все страны света.

Старик удовлетворенно поднял голову, представив эту картину – результат его трудов и таланта.

Он имел право гордиться плодами своей деятельности, которая позволила ему из мелкого торговца превратиться в могущественного коммерсанта и судовладельца. Теперь он один из главных тузов в торговом мире Нью-Йорка.

Но вот он нахмурился и отошел от окна.

Мимо дома проехал элегантный кеб, в котором развалился на подушках молодой человек с манерами истого янки. По его жилету извивалась массивная золотая цепь от часов, а на полное безбородое лицо падала тень от элегантной шляпы. Человек этот, проезжая мимо дома Кинлея, бросил на окна коммерсанта надменный и одновременно злобный взгляд.

Старый джентльмен устало опустил в кресло перед письменным столом, озабоченно подпер рукой голову и погрузился в свои думы настолько, что не расслышал, как в кабинете появился лакей.

Вошедший кашлянул, и тогда старик заметил его.

– В чем дело, Джон?

– Какой-то господин хочет видеть вас, сэр, но он отказался назвать свое имя.

– Впустите его.

Сэр Балдуин Кинлей бросил быстрый взгляд в зеркало и убедился, что лицо его достаточно непроницаемо, чтобы скрыть заботы и невзгоды от постороннего взора.

Послышались уверенные шаги, и после лаконичного «войдите» на пороге показался незнакомый хозяину господин.

Кинлей вопросительно взглянул на посетителя.

– Мое имя Нат Пинкертон, вы хотели меня видеть.

Сэр Балдуин подошел к сыщику и протянул ему обе руки.

– Приветствую вас, мистер Пинкертон. Ваше появление снимает с моей души большую тяжесть. Прошу садиться.

Усаживаясь, сыщик скользнул взглядом по внушительной фигуре коммерсанта, а также успел до мелочей рассмотреть обстановку комнаты. Наконец он вопросительно взглянул на своего собеседника.

– Мистер Пинкертон, вы, вероятно, слышали об огромных убытках, понесенных в последнее время моим торговым домом из-за целой шайки разбойников. По каким-то таинственным причинам больше всего от этих господ страдает моя фирма. В течение последних

трех месяцев пираты сосредоточили на ней все свое внимание. Мои убытки за это время достигли миллиона долларов, так что моей всемирно известной фирме в ближайшем будущем грозят крупные финансовые затруднения.

Пинкертон вынул из кармана газету и, когда собеседник замолчал, прочел вслух несколько строк, напечатанных мелким шрифтом.

Прошлой ночью пиратам Гудзона вновь удалось овладеть большим грузом шелковых материй, перевозившихся фирмой Балдуина Кинлея на одной из собственных барж в коммерческую гавань. Это уже пятый случай за последние четыре месяца, когда означенная фирма становится жертвой этой шайки. Убытки, понесенные фирмой за указанный выше срок, составляют около миллиона долларов. Пираты воплотили свой план с беспримерной дерзостью. За полчаса ходу до Габокен-Пирса буксир, который вел означенную баржу с товарами, перерезал дорогу небольшой паровой катер. Он причалил к самому борту буксира, и на палубу последнего с катера соскочило десятка три людей, вооруженных ружьями, которые моментально справились со шкипером и всей малочисленной командой буксира. Люди были связаны и отправлены в трюм буксира, а груз с баржи увезен катером неизвестно куда.

Как сами разбойники, так и похищенные товары словно в воду канули. Полицейские катера, число которых со времени появления пиратов увеличено вдвое, не заметили ничего из происшедшего. Буксир со связанным экипажем и опустошенной баржей был найден ранним утром полицейским катером вблизи Габокен-Пирса...

Нат Пинкертон закончил чтение и задумчиво устремил взор перед собой, а коммерсант глубоко вздохнул.

Сыщик первым нарушил молчание.

– Сэр Кинлей, если вы хотите поручить мне преследование шайки, то первой вашей обязанностью будет рассказать мне о ваших отношениях – как деловых, так и личных – с людьми, с которыми вам приходится соприкасаться. Лишь при этом условии можно рассчитывать на успех.

– Спрашивайте меня обо всем, что найдете нужным, – вы получите ответ на каждый заданный вопрос.

При последних словах Кинлея глаза Пинкертона обратились на красную портьеру в противоположном конце комнаты.

Ему показалось, что она шевельнулась.

Одним прыжком он очутился перед портьерой и быстрым движением отдернул ее в сторону. Там было пусто, но Пинкертон заметил, что противоположная дверь закрылась в тот момент, когда он распахнул портьеру.

Он вернулся на свое место.

– Мне показалось, что кто-то подслушивает за этой портьерой, и я счел необходимым тотчас же убедиться, есть там кто-то или нет.

– Дверь эта ведет в комнату моего управляющего. Он вне себя от гнева на разбойников и целыми днями только тем и занят, чтобы как-то изловить всю шайку. В своих опасениях он дошел до того, что заподозрил в соучастии в злодеяниях шайки даже шкипера. Я рассчитал последнего и нанял нового, но и это не помогло, ибо разбойникам после этого повезло еще больше.

Сыщик многозначительно улыбнулся.

– Вы лично нанимали нового шкипера?

– Нет. Этим занимается мой управляющий.

– Есть ли у вас, сэр, враги, которым было бы на руку ваше разорение?

Коммерсант подумал минуту и ответил:

– Я не знаю ни одного случая, который мог бы дать основание предположить, что у меня есть враги, заинтересованные в моих неудачах.

– А как обстоят дела с рабочими, сэр? Не относитесь ли вы к ним слишком строго, не платите ли слишком низкую плату? Не было ли случаев несправедливого увольнения рабочего?

– У меня с рабочими обходятся гуманно, и я плачу самое высокое жалованье. Я не могу также припомнить ни одного случая несправедливого, беспричинного увольнения. Мой персонал состоит большей частью из старых служащих, постоянно пополняемых, конечно, новыми кадрами, ибо обороты моей фирмы растут с каждым днем.

Наступило короткое молчание, во время которого Балдуин Кинлей задумчиво смотрел на портрет, стоявший на письменном столе. Выражение его лица при этом смягчилось.

На фотографии была изображена изящная девушка, удивительно похожая на коммерсанта.

Сыщик проследил за взглядом хозяина дома и спросил:

– Это ваша дочь?

– Да, сэр, моя единственная дочь.

– Замужем?

– Нет. Три месяца назад появился претендент на ее руку, но я отказал ему, и этот отказ причинил мне и причинит в будущем еще много убытков.

Пинкертон насторожился.

– И кто же был этим претендентом?

– Один из моих конкурентов, Фред Кронвелл. Его экспорт, правда, вдвое меньше моего, но, поскольку у него нет собственных пароходов, он отправлял свои товары на моих судах. После моего отказа он стал направлять их на суда других компаний. Это явилось чувствительным ударом для меня. В довершение несчастий я начал терпеть огромные убытки из-за разбойничьих нападений на Гудзоне. Примечательно, что ворами попадают в руки самые дорогие грузы, тогда как менее ценные остаются нетронутыми.

– Кто еще, кроме вас, знает, какой товар находится в тех или иных ящиках?

– Только мой управляющий, мистер Эдуард Броун, если не считать шкиперов тех судов, на которые назначен соответствующий груз.

– Когда предстоит новая отправка большой партии ценных грузов?

– На днях, мистер Пинкертон, – озабоченно ответил коммерсант. – Но принимая во внимание все происшедшее, я думаю, что лучше отказаться от этого.

– А можете вы распределить груз на суда так, чтобы никто, даже мистер Эдуард Броун, ничего об этом не знал? Или, что еще лучше, чтобы груз был подменен малоценным, но так, чтобы об этом знали вы да я, а ваш управляющий считал бы, что ценность груза осталась та же.

Коммерсант ответил несколько запальчиво:

– Конечно, я могу устроить это, мистер Пинкертон, хотя, должен сказать, никогда не позволил бы себе такого обращения с человеком, который пользовался до сих пор моим безусловным доверием и в поведении которого я не заметил ничего дурного!

– Ваши взгляды вполне достойны честного человека, сэр Кинлей. Но этим вы не окажете недоверия этому человеку, а только раз и навсегда избавитесь от мысли впредь отказывать ему в доверии. И кроме того, впоследствии вы будете иметь возможность вознаградить мистера Бруна, удвоив степень своего доверия к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.